

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д. А. БЕЗБОРОДОВ

ВИДЫ СОУЧАСТНИКОВ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Учебное пособие

Санкт-Петербург
2013

УДК 343.22(075)
ББК 67.408я73
Б39

Рецензенты

Е. Н. РАХМАНОВА, заведующая кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российской академии правосудия, доктор юридических наук.

Н. П. БЕРЕСТОВОЙ, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского филиала Современной гуманитарной академии, кандидат юридических наук, профессор.

Безбородов, Д. А.

Виды соучастников преступления : учебное пособие / Б39 Д. А. Безбородов. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. — 64 с.

В учебном пособии анализируется деятельность соучастников преступления, рассматриваются проблемы квалификации действий организаторов, подстрекателей и пособников преступления.

Пособие предназначено для использования в учебном процессе при подготовке и переподготовке прокурорских кадров.

УДК 343.22(075)
ББК 67.408я73

© Санкт-Петербургский
юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, 2013

Каждое преступление, совершенное несколькими лицами по предварительному соглашению, представляет целый живой организм, имеющий и руки, и сердце, и голову. Вам предстоит определить, кто в этом деле играл роль преступных рук, кто представлял алчное сердце и все замыслившую и рассчитавшую голову.

А. Ф. Кони

ВВЕДЕНИЕ

Решение вопросов, относящихся к определению ответственности за соучастие в преступлении, определяют следующие основополагающие моменты. Во-первых, границы уголовной ответственности лиц, совместно совершивших преступление. Во-вторых, дифференцирующие возможности уголовного закона в части регламентации ответственности таких лиц. В-третьих, неотвратимость, необходимую степень интенсивности и жесткости уголовного наказания в отношении каждого из соучастников преступления.

Соучастие в преступлении необходимо рассматривать как специфическую деятельность, в процессе которой каждый из ее участников своими действиями вносит определенный вклад в совершение преступления. Соответственно, каждое из таких лиц отвечает не только за свои действия, которые представляют общественную опасность в силу того, что они связаны причинно и виновно с совершением единого преступления, но и за конкретный результат, к реализации которого оно совершением указанных действий (бездействия) причастно. Таким образом, при совершении преступления совместными действиями нескольких лиц, каждое из них вносит определенный вклад в совершение одного и того же деяния и связано с ним совместностью деятельности, которая обусловлена своими объективными и субъективными свойствами. Поэтому все участники такого рода деяния должны нести ответственность на равных основаниях и в одинаковых пределах.

Однако следует учитывать, что подобное «разделение труда» в совершаемом преступлении приводит к определенным трудностям

и связаны они, прежде всего, именно с пониманием пределов ответственности совместно действующих лиц. Под ними необходимо понимать границы, очерченные, во-первых, характером и степенью участия в совершении преступления и, во-вторых, осознанием каждым из участников деяния тех вредных изменений, которые происходят в результате как его собственных действий (бездействия), так и деяний других участников.

Наличие в деянии каждого из лиц, совместно совершающих преступление, состава этого преступления является необходимым объективным обстоятельством, которое должно обосновывать применение к конкретному виновному справедливого уголовного наказания. Поэтому важнейшее значение в этих условиях приобретает полнота расследования каждого преступления, с тем чтобы все ясно могли себе представить: 1) за совершение какого именно преступления применяется то или иное уголовное наказание; 2) это преступление совершено именно при участии данного лица.

Кроме того, для правильной уголовно-правовой оценки содеянного должны быть установлены обстоятельства, которые свидетельствуют о совершении данного преступления именно совместными действиями (бездействием) этих лиц, в связи с чем особого внимания заслуживает: а) правильное определение круга участников данного преступления; б) факт совместности их поведения. Применительно к сказанному следует отметить, что совместное совершение преступления предполагает общую деятельность, при которой некоторым образом видоизменяются общие правила об ответственности за данное деяние в полном объеме. Такое происходит в том случае, когда характер деяния каждого из присоединившихся к нему лиц по общим правилам должен был оказать влияние на характер причинной связи. Именно в силу этого обстоятельства расширяется количество субъектов, ответственных за совместно причиненный общий для каждого из них преступный результат.

К такого рода ответственности следует отнести, помимо прочих, ответственность лиц, непосредственно не выполняющих объективную сторону состава конкретного преступления (такое положение имеет место при соучастии в преступлении с юридическим распределением ролей), а именно организаторов, подстрекателей, пособников.

1. КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА ВИДЫ

Совершение преступления в соучастии как с внутренней (субъективной), так и с внешней (объективной) стороны характеризуется определенными особенностями. Особенность внешних (объективных) признаков деяния, выполняемого в соучастии, обусловлена совместностью деятельности, которая выражается в том, что каждый из виновных выполняет свою часть единого для всех соучастников преступления и этим самым в большей или меньшей степени содействует осуществлению преступного намерения остальных виновных.

Понятие «совместное участие в преступлении» является уголовно-правовым. Однако при исследовании и описании его необходимо рассматривать с позиций общего смыслового значения и достижений психологической науки. Практически всех исследователей, занимающихся изучением преступлений, совершенных объединенными усилиями нескольких лиц, в уголовно-правовой науке роднит этот общий подход к анализу такого рода деяний. Суть данного подхода заключается в признании соучастия в преступлении не только как особой категории уголовного права, но и как социально-психологического феномена. Последнее с неизбежностью обусловило обращение к знаниям, накопленным в философии, социологии, психологии и т. д. Эти науки имеют, безусловно, большой опыт в изучении совместной деятельности, чем уголовное право, поэтому следует воспользоваться возможностью использования отдельных закономерностей, выявленных представителями других наук в процессе изучения совместной деятельности, в науке уголовного права.

«Совместный» трактуется В. И. Далем как совмещенный вместе по времени или пространству, по причинной последовательности и т. д.¹ С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова совместность определяют как осуществляемый вместе с кем-чем-нибудь, общий². В психологии совместность исследуется применительно к деятельности и определяется как «организованная система активности взаимодействующих индивидов, направленная на целесообразное

¹ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание : в 4 т. М., 2001. Т. 4. С. 430.

² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1984. С. 660.

производство, воспроизводство объектов материальной и духовной культуры»¹. В уголовном праве совместность понимается как действие общими усилиями, когда каждый участник своим поведенческим актом вносит вклад в совершение общественно опасного деяния. Совместность деяния выражается в общих чертах в том, что каждый из виновных выполняет свою часть единого для всех участников общественно опасного деяния, и этим самым в большей или меньшей степени содействует осуществлению преступного намерения остальных виновных.

Очевидность основополагающего значения этого ключевого для уголовно-правовой оценки всех преступлений, совершенных в соучастии, момента связана с тем, что совместность представляет собой одну из форм коллективного человеческого поведения, под которым понимается система действий нескольких лиц, обусловленная общим и сознательным характером каждого деяния, подчиненная общей цели и единому плану. Эта система основывается на взаимодействии виновных лиц, общем результате деяния и причинной зависимости. В итоге система деяний, образующих в совокупности единое для нескольких участников преступление, придает новые качества такому общественно опасному поведению, образуя целостность, которая складывается из единства и взаимосвязи отдельных составляющих, поведения лиц, участвующих в совершении преступления². Совместность, таким образом, выступает как объединяющий фактор, который придает общественно опасному деянию определенную специфику. Она выражается в том, что в различной форме (словесно или при помощи конклюдентных действий) и степени интенсивности (случайный или преднамеренный, длительный или кратковременный и т. д.) происходит контакт двух или более человек, который влечет взаимные изменения в их дальнейших действиях (бездействии).

¹ Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск, 1997. С. 139 ; см. также: Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980. С. 133.

² Под системой понимается множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство (Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1984. С. 1209). В философии система — это целостная совокупность элементов, в которой все элементы настолько тесно связаны друг с другом, что выступают по отношению к окружающим условиям и другим системам как единое целое (см., например: Спиркин А. Г. Философия. М., 2001. С. 272).

Структура соучастия в преступлении включает в себя:

а) обусловленное особенностями совместности различное сочетание объективных и субъективных элементов совместного преступного деяния;

б) строение процесса совместного совершения преступления во времени;

в) характер и последовательность выполнения деяний различными участниками посягательства.

При этом из одних и тех же элементов, но в разной системе и степени взаимосвязи могут быть образованы различные формы проявления совместного совершения преступления.

Одним из основных свойств совместности выступает взаимодействие двух и более лиц в процессе подготовки или совершения деяния. Во многих исследованиях, посвященных вопросам соучастия, это свойство определяется как взаимообусловленность действий. Использование данного термина не совсем отвечает его специфике, поскольку практически отождествляет его с другим свойством совместности — причинной связью. Более логичной, на первый взгляд, кажется позиция А. П. Козлова, который определяет этот признак как «функциональную связь»¹. Однако этот термин также представляется не вполне корректным, поскольку его общеправовое значение несколько иное, чем то, которое в данном случае вкладывается в него. Увлечение конструированием сугубо уголовно-правовых понятий без учета этого момента едва ли приведет к положительному результату. Конечно, уголовное право обоснованно тяготеет к формальным и прагматичным границам понятий. Довольно часто оно использует условные дифференциации, что облегчает правовой анализ конкретных уголовно-правовых явлений. Но такое тяготение, обусловленное задачами уголовного права, не может быть определяющим, когда оно заимствует естественнонаучные понятия, имеющие объективно заданную систему взаимосвязей. Кроме того, даже если толковать предложенный термин исключительно как связь по функциям, то все равно он не может отразить со всей полнотой все внутренние особенности, вкладываемые в его содержание

¹ Под ней им понимается «взаимная обусловленность поведения каждого соучастника поведением других соучастников, которая включает в себя, во-первых, отдельные акты поведения отдельных соучастников (законодатель отражает это в термине «участие») и, во-вторых, объединение функций всех соучастников благодаря тому, что каждый соучастник выполняет свои функции в интересах других соучастников» (см.: Козлов А. П. Соучастие : традиции и реальность. СПб., 2001. С. 34).

самим А. П. Козловым. Именно понятие «взаимодействие», раскрываемое общей и юридической психологией как составляющая совместной деятельности позволяет охарактеризовать в полном объеме механизм сопричинения преступного результата деяниями нескольких лиц¹. Так, Н. Г. Иванов, используя при характеристике совместности понятие «взаимодействие», определяет его как «организацию, в какой бы форме она ни была, совместных действий, позволяющих конкретному объединению людей реализовать общую для ее членов деятельность»². Действительно, взаимодействие представляет собой особую систему взаимодополняющих деяний (действий, бездействий), которые связаны между собой, и при которых деяние каждого из участников выступает одновременно и стимулом совершения деяния и реакцией на него других участников общественно опасного посягательства.

Таким образом, под взаимодействием при подготовке или совершении преступления следует понимать такие случаи, когда деяние одного участника посягательства в конкретной обстановке является необходимым для выполнения преступления другим участником. Невыполнение своих действий со стороны кого-либо из участников в конкретной обстановке либо делает невозможным совершение преступления, либо существенным образом затрудняет его совершение. Взаимодействие, исходя из вышеизложенного, представляет собой своеобразную систему актов коллективного поведения лиц — участников посягательства, направленную на достижение преступного результата совокупными усилиями. Иначе говоря, оно связано с распределением и объединением функций в процессе подготовки и совершения конкретного преступления (в этом отношении, обозначая данную связь как функциональную, А. П. Козлов абсолютно прав). Взаимодействие представляет собой оптимальное сочетание индивидуальных действий (бездействия) конкретных соучастников в условиях совместного совершения преступления и выражается в координации функционально-ролевого поведения каждого из участников деяния с действиями (бездействием) друг друга.

¹ Так, С. Ю. Головин определяет взаимодействие как процесс непосредственного или опосредованного воздействия объектов (субъектов) друг на друга, порождающий их взаимную обусловленность и связь (Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск, 1997. С. 139—141). Практически аналогичное определение дается и другими исследователями (см., например: Еникеев С. И. Юридическая психология. М., 2000. С. 415).

² Иванов Н. Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве : онтологический аспект. Саратов, 1991. С. 64.

Именно оно выступает в качестве наиболее эффективного способа достижения преступного результата при наименьших интеллектуальных и физических затратах.

Изложенное означает, что реальные источники и наиболее глубокие механизмы взаимодействия могут быть раскрыты только путем анализа совместного деяния. Решающим условием соучастия является своего рода слияние индивидуальных деяний нескольких лиц в единую, общую для всех форму коллективного поведения. Процесс объединения индивидуальных деяний является основанием всех других последующих действий или бездействий нескольких лиц. Он выступает своеобразным механизмом совместного совершения преступления, основным фактором образования целостного совокупного субъекта единого общественно опасного деяния. Взаимодействие в соучастии, таким образом, предполагает наличие двух основных составляющих.

Первая включает в себя объединение индивидуальных действий участников деяния — интеграцию¹. В результате такого объединения эта совокупность приобретает новое качество, становясь единой «производительной» силой, которая существенно отличается от образующих ее отдельных деяний.

Вторая составляющая предполагает дифференциацию² индивидуальных действий (бездействия) соучастников преступления и предусматривает их специализацию и структурную иерархизацию. Именно они делают возможным достижение целей совместного общественно опасного поведения виновных.

Ведущую роль играет именно объединение индивидуальных действий (бездействия). В противном случае совместность посягательства будет отсутствовать и причиняющие действия необходимо рассматривать как единоличное совершение преступления каждым из виновных³.

¹ Слово «интеграция» происходит от латинских слов «integer» — целый и «integratio» — восстановление, восполнение и означает объединение в целое каких-либо частей, элементов (Словарь иностранных слов. М., 1989. С. 201).

² Это слово происходит от латинского «differentia» и французского «differentiation» — различие. Под дифференциацией понимается разделение, расчленение, расслоение целого на различные части, формы и ступени (Словарь иностранных слов. М., 1989. С. 175).

³ Поэтому едва ли следует признавать верным высказывание известного ученого рубежа XIX—XX веков И. Фойницкого, который считал, что институт соучастия в преступлении не нужен уголовному праву вообще, поскольку все соучастники сами по себе исполнители, а потому в указанных случаях никаких теоретических и практических проблем не возникает (см.: Фойницкий И. Я. Уголовно-правовая доктрина о соучастии // Журнал министерства юстиции.

Показательно в этом отношении уголовное дело, рассмотренное военным трибуналом N гарнизона. Н. и Б. были осуждены: Н. — по подп. «б» и «в» ст. 239 УК Азербайджанской ССР (п. «б» и «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ), а Б. — по п. «в» ст. 239 УК Азербайджанской ССР (п. «в» ч. 2 ст. 335 УК РФ). Н. и Б. признаны виновными в нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, совершенном группой лиц и повлекшем причинение потерпевшему побоев и легкого телесного повреждения.

Н. и Б., желая показать свое превосходство над прибывшим в дисциплинарную часть осужденным Ф. и подчинить его своему влиянию, вызвали последнего в бытовую комнату подразделения и заставили выпить 50 г одеколона. Затем Н. нанес Ф. два удара кулаком в лицо. Поддерживая Н. и действуя совместно с ним, Б. ударил Ф. кулаком в живот, а когда тот нагнулся, нанес ему удар коленом в область носа, отчего потерпевший упал. После этого Б. пнул Ф. ногой в область почек. Действиями Б. потерпевшему Ф. были причинены легкие телесные повреждения в виде кровоподтеков и перелома костей носа.

Признавая Н. и Б. виновными в неуставных насильственных действиях, совершенных группой лиц, военный трибунал сослался в приговоре на то, что Н. и Б. действовали совместно. Однако это вывод не вытекает из материалов дела. В соответствии с показаниями потерпевшего Ф. в бытовой комнате подразделения с ним разговаривал лишь Н., который при этом предложил ему выпить около 50 г одеколона. Через некоторое время Н., предъявляя к нему претензии, дважды ударил его кулаком и один раз ладонью по лицу, в связи с чем он, Ф., нанес Н. ответный удар, после чего тот отошел к окну и больше его не бил. Н. в судебном заседании пояснил, что у него не было договоренности с Б. об избииении Ф. Физическое насилие к последнему применил, будучи недовольным его ответом. Из показаний Б. усматривается, что об избииении Ф. с Н. он не договаривался, нанесение Н. ударов Ф. не видел, в конфликт вмешался самостоятельно, когда увидел разбитую до крови губу у Н¹.

В качестве наиболее существенного структурного элемента взаимодействия выступает координация деяний соучастников. К ней можно отнести упорядочение, комбинирование, суммирование действий (бездействия) участников общественно опасного посягательства. Причем координация является необходимым фактором реализации целей взаимодействия, иначе говоря, одним из тех моментов совместности совершения преступления, которые непосредственно подготавливают достижение единого преступного результата.

1891. № 1. С. 5). В последующем практически аналогично поступил И. П. Малахов, признавший соучастием «особый вид индивидуальной преступной деятельности субъекта» (см.: Малахов И. П. Вопросы учения о соучастии // Труды Военно-политической академии. Вып. 17. М., 1957. С. 155).

¹ Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 9 августа 1988 г. №1н-0355/88 // Бюллетень Управления военных трибуналов и Военной коллегии Верховного Суда СССР. 1989. № 1 (133). С. 43—44.

Исходя из вышеизложенного можно предположить, что взаимодействие соучастников преступления включает в себя несколько составляющих. К ним можно отнести, во-первых, конкретные действия (бездействие) отдельных участников общественно опасного посягательства и, во-вторых, кооперативную форму поведения виновных, благодаря чему каждый из них выполняет свои конкретные действия (либо бездействует) в общем для всех соучастников деянии. Следовательно, взаимодействие участников преступного деяния находит свое выражение в сообразовании каждым из них своих собственных действий (бездействия) с поведением других соучастников¹.

В целом взаимодействие может находить проявление: либо в конечном результате деяния — общественно опасных последствиях (в этом случае индивидуальные действия (бездействие) осуществляются параллельно и не зависят, как правило, от последовательности деяний виновных, однако приводят к единому преступному результату), либо в самом процессе совершения деяния — выполнении объективной стороны конкретного состава преступления (в этом случае индивидуальные действия (бездействие) каждого из соучастников взаимообусловлены. Такая взаимообусловленность деяний выражается в их специализации и иерархизации, поскольку они должны выполняться или одновременно как функционально различные компоненты единого общего деяния, или же в строгой последовательности, когда действие одного деяния служит условием начала реализации другого).

Таким образом, совместность деяния представляет целостную систему взаимодополняющих друг друга интеллектуально-физических действий (бездействия) участников общественно опасного посягательства. В данной характеристике речь идет прежде всего не о разрозненной совокупности совершаемых деяний, определяемой одним составом участников, временем, пространством, как о проявлении связи простого сосуществования, а о довольно сложном явлении — совершении единого для всех одного общественно опасного деяния. Само понятие «совместность» указывает на то, что виновные во взаимодействии совершают общественно опасное деяние и вместе причиняют определенный общественно опасный результат. Эта взаимосвязь выражается в

¹ Стоит отметить, что взаимодействие, правда в несколько ограниченном виде, возможно и при совершении деяния с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности (например, невменяемых или лиц, не достигших возраста уголовной ответственности).

том, что действия (бездействие) одного участника взаимодополняют деяние другого лица либо создают реальную возможность совершения деяния другим лицом.

Вместе с тем совместность причинения, конечно же, не порождает равенства усилий участников, направленных на достижение преступного результата. По этой причине возникает необходимость в отношении любого из них устанавливать своеобразную меру причинения его действий по отношению к поведению других участников, а также в ряде случаев степень участия этих лиц в совершении деяния. При этом следует учитывать, что деяния участников могут качественно различаться между собой. Поэтому при квалификации преступления, совершенного в соучастии, требуется установление конкретных функций лиц, совместно участвовавших в совершении общественно опасного деяния. Квалификация совместной преступной деятельности и назначение наказания, т. е. решение коренных вопросов соучастия, невозможно без четкого подразделения совместно действующих лиц¹.

Касаясь характеристики конкретных действий (бездействия) отдельных соучастников преступления, необходимо отметить, что, преломляясь в совместном поведении, они находят свое отражение в термине «участие».

Участвовать в чем-либо — значит иметь долю, часть, пай в деле или быть сотрудником, товарищем, помощником в деле; касаться к чему-либо вещественно или нравственно, быть близким². Таким образом, деяние каждого из участников посягательства находится во взаимосвязи и взаимозависимости с поведением других соучастников и определяется характером и степенью участия в преступлении.

Характер участия в совместном преступлении как составляющая взаимодействия определяется теми реальными функциями, при помощи которых лицо включается в механизм совершения общественно опасного деяния несколькими участниками. Соответственно, особенность этих функций заключается в конкретной форме участия в преступлении:

а) либо в выполнении полностью или частично объективной стороны состава преступления вместе с другими лицами;

б) либо в различных видах способствования совершению преступления.

¹ Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 67.

² Даль В. И. Указ. соч. С. 871.

Степень участия представляет собой показатель интенсивности взаимодействия при совершении преступления.

Учитывая рассмотренные выше положения, законодатель в ст. 34 УК РФ указал на то, что ответственность соучастников преступления определяется двумя критериями: характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления.

Установление характера участия в совершении преступления подразумевает ответ на вопрос о том, какие функции исполнял соучастник, какую роль он играл в совершении преступления. Что касается второго критерия, т. е. степени фактического участия, то он должен ответить на вопрос о том, с какой степенью интенсивности (активности) соучастник играл свою роль. Ответ на эти вопросы находится во внешней (объективной) стороне совершаемого соучастниками преступления.

Вообще, эволюция взглядов на критерии разграничения отдельных соучастников имеет достаточно длительную историю. Отечественные ученые-криминалисты рубежа XIX—XX вв. при решении вопроса о разграничении главных и второстепенных виновников руководствовались объективной и субъективной, а также смешанной теориями. Странники объективной теории основывались на объективной оценке действий соучастников. Лица, совершившие главное действие, признавались главными виновниками, лица совершившие второстепенное действие — второстепенными¹. Противоположной точки зрения придерживались ученые, выдвинувшие субъективный критерий разграничения главных и второстепенных виновников. Они исходили из двух положений: *animus auctoris* и *animus socii* — теории интереса и теории формального намерения. Достаточно краткую и четкую характеристику этих теорий дал Г. Е. Колоколов: «...сторонники этих теорий, размежевая области соучастия главного и второстепенного, основываются исключительно на различии психологического отношения участвующих лиц к преступному деянию»². Странники субъективной теории исходили из того, что лицо, действовавшее под влиянием *animus socii*, есть

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть Общая. СПб., 1902. Т. 1. С. 757 ; Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. СПб., 1865. Т. 1. С. 514.

² Колоколов Г. Е. О соучастии в преступлении вообще и о подстрекательстве в частности. М., 1881. С. 82.

второстепенный виновник, а лицо, действовавшее под влиянием *animus auctoris*, есть главный виновник. При этом элементами *animus auctoris* являлись самостоятельность умысла и собственный интерес в совершении преступного деяния, а элементами *animus socii*, наоборот, несамостоятельность (условность) и отсутствие собственного интереса¹. Позиции сторонников данной теории поддерживал С. И. Баршев². Существовала и так называемая смешанная теория, одним из сторонников которой являлся Н. Д. Сергеевский. Он выдвигал следующее положение: «По совокупной оценке объективной и субъективной стороны одни из виновников являются главными виновниками, физическими или интеллектуальными (подстрекателями), другие — пособниками, тоже физическими или интеллектуальными»³.

Большинство современных отечественных криминалистов полагают, что разграничение соучастников и деление их на виды возможно лишь с учетом той объективной роли, которую они играют в совершении преступления⁴. Так, Ф. Г. Бурчак справедливо отмечал, что «только в действиях, точнее, в характере действий следует искать различие между отдельными соучастниками»⁵. Однако делались попытки классифицировать соучастников и по иным основаниям. А. А. Пионтковский, например, предлагал деление всех соучастников на главных и второстепенных. Для этой градации он брал в качестве критерия классификации степень вины каждого соучастника⁶. Основанием данной классификации у него являлась степень участия каждого соучастника в совершаемом преступлении. Такая точка зрения представляется несостоятельной, поскольку при одной и той же роли, которую играют в совершении преступления соучастники, будь то организаторы, подстрекатели, пособники или же исполнители, возможна раз-

¹ Сергеевский Н. Д. Конспект лекций Общей части уголовного права. СПб., 1885. С. 297.

² Баршев С. И. О мере наказаний. М., 1840. С. 131—132.

³ Сергеевский Н. Д. Указ. соч. С. 290.

⁴ См.: Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 124 и далее; Тельнов П. Ф. Указ. соч.; Прохоров В. С. Соучастие в преступлении // Курс советского уголовного права. Л., 1968. Т. 1. С. 610 и др.

⁵ Бурчак Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев, 1969. С. 133.

⁶ Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1966. С. 566.

личная степень их участия в совместном общественно опасном деянии. Позиция А. А. Пионтковского представляется оправданной только при определении ответственности и индивидуализации наказания соучастников, но для деления их на виды она непригодна.

М. И. Ковалев полагал, что при разграничении соучастников на виды необходимо руководствоваться финальной теорией действия, которая оперирует понятиями: «главный виновник», «исполнитель», «пособник», «подстрекатель»¹.

Интересную, но также представляющуюся неприемлемой концепцию деления соучастников на виды предложила Т. В. Церетели. Она выдвинула идею, согласно которой разграничение соучастников на виды должно осуществляться с использованием такой категории, как причинная связь².

В теории и практике предпочтительнее оказалась позиция тех ученых, которые полагают, что только в характере участия в преступлении, а именно во внешней роли, которую играет каждый соучастник в едином для них преступлении, необходимо искать различие исполнителей, организаторов, подстрекателей и пособников, а также составов преступлений, которые вменяются им в вину³. Этот тезис подтверждается и тем, что законодатель при определении видов соучастников использует следующие слова: «склонил», «организовал», «руководил», «содействовал», «совершил» и т. д. Прибегая к данным терминам, законодатель дает именно описание действий соучастников при совершении конкретного преступления. В связи с вышеизложенным верным нужно признать, высказывание П. Ф. Тельнова о том, что использование в данном случае объективных критериев позволяет более точно охарактеризовать в правовой норме роль каждого соучастника, что облегчает соблюдение законности в разрешении вопросов ответственности за сообща совершенное преступление⁴.

Итак, закон в зависимости от характера действия в ст. 33 УК РФ выделяет следующие виды соучастников: исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник⁵.

¹ Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург, 1999. С. 93—96.

² Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. С. 259.

³ См.: Бурчак Ф. Г. Указ. соч. С. 135; Тельнов П. Ф. Указ. соч. С. 68.

⁴ Тельнов П. Ф. Указ. соч. С. 68.

⁵ Уголовное право некоторых зарубежных государств практически не содержит характеристики отдельных видов соучастников, подразделяя их только

2. ИСПОЛНИТЕЛЬ

Исполнитель (согласно ч. 2 ст. 33 УК РФ) — это лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации.

С объективной стороны исполнительство может совершаться как путем действия, так и бездействия. Конкретный вид поведения исполнителя зависит от состава преступления. В целом законодательное определение фигуры исполнителя позволяет выделить три формы, в которых может осуществляться его деятельность.

Во-первых, исполнитель является единственным из соучастников, кто выполняет объективную сторону конкретного состава преступления. Такой вид участия в совместном совершении преступления характерен для соучастия с распределением ролей, когда, как правило, каждый из соучастников — организатор, подстрекатель или пособник, либо представлен в единственном числе, либо некоторые из них вообще отсутствуют.

К., находясь дома у Ч., путем уговоров и указаний склонил последнего к совершению разбойного нападения на продавца магазина, для чего передал ему пистолет, а сам остался в доме. Ч., подойдя к магазину, через окно наставил пистолет на продавца и потребовал деньги. Однако продавец закрыла окно, стала кричать и включила сигнализацию, в связи с чем Ч. убежал¹.

Вполне допустима такая ситуация, когда в преступлении участвует несколько организаторов, подстрекателей или же пособников и один исполнитель. Можно допустить вариант, когда существует один организатор и, например, два исполнителя. В этом случае возможна оценка действий исполнителей без признака соисполнения преступления. Квалификация действий виновных должна осуществляться с учетом осознания ими факта взаимодействия при совершении преступления. Если исполнители осознают, что их действия взаимодополняют друг друга, то они

на исполнителей и соучастников. Причем понятие соучастника раскрывается путем перечисления конкретных действий, образующих соучастие.

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 5 мая 2011 г. № 56-Д11-16 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

— соисполнители, если же нет, то их действия оцениваются как самостоятельное совершение преступления с учетом вклада каждого из них. Например, А. подстрекает Б. к совершению убийства В. Зная, что Б. может не довести преступление до конца, А. склоняет к совершению этого же преступления Г., не сообщая об этом Б. Совершая преступление, Б. наносит несколько ударов ножом В. и, не убедившись в наступлении его смерти, уходит. Через некоторое время приходит Г. и, видя, что потерпевший еще жив, причиняет ему смерть.

Единоличное исполнение преступления включает три вида:

1. Исполнитель сам полностью и непосредственно выполняет объективную сторону состава преступления.

Р., хорошо знавший А., а также то, что последний на вверенной ему автомашине «КамАЗ» доставляет комбикорм на птицефабрику, обратился к А. с просьбой достать ему комбикорм, полагая, что А. похищал комбикорма путем краж. А. привозил похищенный комбикорм в гараж Р., который перегружал его в автомашину, увозил и продавал гражданам¹.

2. Исполнитель выполняет только часть объективной стороны конкретного состава преступления, а другую ее часть выполняет лицо, не подлежащее уголовной ответственности в силу недостижения им установленного законом возраста, или невенчанности, или же не отвечает специальным признакам субъекта конкретного преступления.

Например, если лицо, не подлежащее уголовной ответственности, подавляет сопротивление потерпевшей, применяя к ней насилие, а субъект совершает с ней половой акт. Поэтому при выполнении отдельных признаков объективной стороны данного состава преступления осуществляющегося лицом, не являющимся субъектом этого преступления, годный субъект юридически является его единственным непосредственным исполнителем.

3. Исполнитель полностью и непосредственно выполняет объективную сторону состава преступления при непосредственном участии лица, либо вообще не подлежащего уголовной ответственности, либо не отвечающего специальным признакам субъекта конкретного преступления.

Например, исполнитель для обеспечения проникновения в квартиру с целью совершения кражи, просит малолетнего про-

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Рос. Федерации № 321п95 по делу Ананенкова и Рыженкова [Электронный ресурс] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации 1996. № 10. URL: http://www.vsrf.ru/vscourt_detail.php?id=3994 (дата обращения: 23.03. 2013).

лезть в форточку и открыть изнутри дверь, а потом совместно с ним выносит имущество.

Вообще, случаи, когда в выполнении объективной стороны преступления совместно участвуют два лица, одно из которых при этом обладает всеми признаками субъекта преступления, а другое нет в силу возраста или невменяемости, в теории уголовного права получили название объективно группового исполнения преступления (или «групповые эксцессы»¹). С точки зрения внешних признаков деяния в такой ситуации совершено групповое преступление, однако соучастия также здесь не возникает из-за отсутствия количественного признака данного института². От посредственного исполнения преступления данная форма совершения общественно опасного деяния отличается тем, что посягательство происходит не за счет использования для выполнения объективной стороны конкретного состава преступления невменяемого или малолетнего, а путем совместного ее выполнения. В данном случае происходит соединения усилий уголовно ответственных и неответственных лиц, действовавших в составе группы в социологическом смысле. Весьма разумную оценку деятельности подобного рода предложил С. Ф. Милуков, который считает, что необходима уголовно-правовая легализация этого

¹ Назаренко Г. В. Квалификация особых случаев соучастия: соучастие и невменяемость // Правоведение. 1995. № 3. С. 95.

² Например, в п. 9 ранее действовавшего постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об изнасиловании» от 22 апреля 1992 г. № 4 указывалось на то, что действия участников группового изнасилования подлежат квалификации по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР (п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ) независимо от того, что остальные участники преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости либо в силу ст. 10 УК РСФСР (ст. 20 УК РФ) или по другим предусмотренным законом основаниям. Аналогичную точку зрения можно встретить и в юридической литературе (Галиакбаров Р. Р. Юридическая природа группы лиц в уголовном праве // Советская юстиция. 1970. № 20. С. 21—22; Его же. Квалификация групповых преступлений. М., 1980. С. 36—37; Михеев Р. И. Уголовно-правовая оценка общественно опасных деяний невменяемых при групповых посягательствах // Актуальные проблемы борьбы с групповой преступностью. Омск, 1983. С. 10 и далее; Михеев Р. И. Невменяемый. Владивосток, 1992. С. 111—114). По всей вероятности, разъяснения подобного рода были даны, основываясь на положениях ранее действовавшего УК РСФСР, в котором не содержалось каких-либо четких указаний относительно того, что и группа лиц и группа лиц по предварительному сговору возможна исключительно в рамках института соучастия в преступлении. Изложенные выше положения, таким образом, противоречат действующему УК РФ и не могут быть использованы в правоприменительной практике.

явления, сходного с соучастием по объективным признакам. Он называет такого рода случаи сопричинением и предлагает распространить на них действие ч. 7 ст. 35 УК РФ¹.

Позиция законодателя на этот счет предельно ясна: поскольку совершение преступления в группе является соучастием, что вытекает из толкования главы 7 УК РФ, то, соответственно, все члены группы должны отвечать всем предъявляемым к соучастникам субъектным требованиям (быть вменяемыми и достигнуть минимально необходимого для конкретного состава преступления возраста уголовной ответственности). Поэтому юридически деятельность исполнителя преступления оценивается как выполненная единолично.

Во-вторых, исполнитель участвует в совершении конкретного преступления вместе с другими лицами, подлежащими уголовной ответственности (соисполнителями). При этом возможны следующие виды исполнения преступления:

1. Лицо выполняет объективную сторону конкретного состава преступления в полном объеме при присоединяющейся деятельности других соисполнителей.

Д. и О. на почве личных неприязненных отношений избили гражданина Б., причинив ему вред здоровью средней тяжести. После этого осужденные договорились между собой об убийстве потерпевшего, для чего пытались задушить его шнурком от ботинок, но так как не смогли достичь желаемого результата, положили ему на горло палку и одновременно встали на ее разные концы, причинив Б. несовместимые с жизнью телесные повреждения².

2. Лицо участвует в выполнении объективной стороны конкретного состава преступления частично, присоединяясь на каком-либо этапе совершения общественно опасного деяния к деятельности других лиц — его соисполнителей.

Данный вид соисполнительства интересен тем, что возможность участвовать в выполнении объективной стороны состава преступления зачастую обусловлена особенностями механизма совершения конкретного преступления и далеко не во всех случаях связана с непосредственным выполнением деяния, явившегося главной и непосредственной причиной наступления преступного результата (речь идет о преступлениях, имеющих материальный

¹ Милуков С. Ф. Российское уголовное законодательство : опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 77—79.

² Справка о некоторых определениях Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по делам, рассмотренным в мае 2000 года № 1-038/ 2000 от 23 мая 2000 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

состав). Такие действия довольно часто выполняют роль способствующих совершению преступления условий.

Так, давая рекомендации по квалификации убийства, совершенного соисполнителями, Верховный Суд Российской Федерации указал на то, что убийство «признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения)¹. Таким образом, выполнение таких обеспечивающих функций, которые сами по себе не приводят к наступлению смерти, но при этом создают возможность ее причинения другими лицами признаются соисполнением преступления.

Абзац 1 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. № 29 содержит указание, в соответствии с которым уголовная ответственность за кражу, грабеж или разбой как за совершенные при соисполнительстве наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них, но другие участники в соответствии с распределением ролей совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления (например, лицо не проникало в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления). В данном случае Верховный Суд Российской Федерации признает соисполнительством, по сути дела, функции, обеспечивающие тайность изъятия. Аналогичные рекомендации содержатся, например, и в абз. 2 п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 27 декабря 2007 г. № 51. При этом в рекомендациях данного Пленума указывается на необходимость учета

¹ См.: абз. 2 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1.

конкретных действий виновных, непосредственно направленных на исполнение объективной стороны этих преступлений.

Кроме того, данная форма соисполнительства может проявляться и при совершении преступлений, имеющих формальный состав. В таких случаях деяния лиц, участвующих в совершении преступления, оцениваются как соисполнительство, тогда когда они явились основными составляющими, обеспечивающими совершение главного действия, образующего состав преступления.

Так, при квалификации изнасилования или насильственных действий сексуального характера, совершенных группой лиц, необходимо учитывать, что таковыми признаются не только действия лиц, непосредственно совершивших насильственный половой акт или насильственные действия сексуального характера, но и действия лиц, содействовавших им путем применения физического или психического насилия к потерпевшему лицу. При этом согласно рекомендациям Верховного Суда Российской Федерации, действия лиц, лично не совершавших насильственного полового акта или насильственных действий сексуального характера, но путем применения насилия содействовавших другим лицам в совершении преступления, следует квалифицировать как соисполнительство в групповом изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера (ч. 2 ст. 33 УК РФ)¹.

Судебные органы признают разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществлял один из них, а второй обеспечивал безопасность.

С. признан виновным в совершении разбойного нападения группой лиц по предварительному сговору с Т. с целью завладения чужим имуществом в крупном размере, с проникновением в помещение.

С. занимался частной зубопротезной практикой и по роду деятельности сотрудничал с Б., который работал литейщиком. С. не расплатился с Б. за один из заказов. С., встретив своего знакомого Т., сообщил ему, что у литейщика в мастерской имеется в сейфе крупная сумма денег и предложил завладеть ими. В процессе подготовки к преступлению С. сообщил о графике работы литейщика, описал обстановку в мастерской.

С. договорился с Т. о совершении разбойного нападения на потерпевшего с распределением ролей. Согласно договоренности Т. должен был оглушить потерпевшего, чтобы тот потерял сознание, и забрать деньги, а С. должен был

¹ См.: абз. 3 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 15 июня 2004 г. № 11.

наблюдать за окружающей обстановкой и обеспечивать безопасность, стоя у двери мастерской.

Т., не ставя в известность С., взял с собой браунинг. Во время нападения Т. выстрелил не менее трех раз из пистолета в потерпевшего. Но поскольку после произведенных выстрелов потерпевший продолжал оказывать сопротивление и попытался задержать Т., тот убежал и вместе с С. скрылся с места преступления. Суд первой инстанции квалифицировал действия С. по п. «б» ч. 3 ст. 162 УК РФ. Суд кассационной инстанции оставил приговор без изменения. В надзорной жалобе адвокат осужденного С. поставил вопрос об изменении судебных решений в отношении С. и переквалификации его действий с п. «б» ч. 3 ст. 162 УК РФ на ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ, поскольку разбойное нападение совершил лишь один Т., а С. явился соучастником покушения на грабеж.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации оставил приговор без изменения, а надзорную жалобу адвоката — без удовлетворения по следующим основаниям.

По смыслу уголовного закона (ст. 35 УК РФ) уголовная ответственность за разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них.

Таким образом, заранее согласованные с Т. действия С., направленные на совершение разбоя, связанные с оказанием помощи непосредственному исполнителю разбоя, правильно расценены судом как соисполнительство разбойному нападению¹.

Кроме того, давая разъяснения по вопросам применения ст. 258 УК РФ и основываясь на том, что незаконная охота это поиск, выслеживание, преследование охотничьих ресурсов, их добыча, первичная переработка и транспортировка², Верховный Суд Российской Федерации указывает на то, что соисполнителями незаконной охоты являются лица, осуществлявшие поиск, выслеживание, преследование и добычу охотничьих ресурсов, производившие их первичную переработку и (или) транспортировку³. Таким образом, выполнение лицом хотя бы одного из ука-

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 сент. 2004 г. № 389П04 по делу Смирнова [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Пункт 5 ст. 1 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ.

³ См.: абз. 1 п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» от 18 окт. 2012 г. № 21.

занных выше действий превращает его в соисполнителя незаконной охоты. Например, если при незаконной охоте один из виновных осуществляет только преследование, а другой непосредственно производит выстрел, то действия этих лиц должны оцениваться как соисполнительство.

При неправомерном завладении транспортным средством без цели хищения несколькими лицами по предварительному сговору действия каждого должны согласно рекомендациям Верховного Суда Российской Федерации, оцениваться как соучастие в преступлении в виде соисполнительства (ч. 2 ст. 34 УК РФ). И действия виновных лиц квалифицируются по п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ независимо от того, кто из участников преступной группы фактически управлял транспортным средством¹. В данном случае, рекомендуя оценивать такие действия как соисполнительство, Верховный Суд Российской Федерации, видимо, исходил из того, что угон зачастую связан с преодолением препятствий (отключение сигнализации, отвлечение хозяина автомобиля либо лиц, ответственных за его охрану, и т. д.) и поэтому функции, обеспечивающие основное действие — перемещение транспортного средства, являются соисполнением угона.

3. Лицо не выполняет объективную сторону конкретного состава преступления, но его действия оцениваются как соисполнительство в силу наличия особой формы совместной преступной деятельности — организованной группы либо преступного сообщества (преступной организации).

Данная практика напрямую закреплена в решениях Верховного Суда Российской Федерации. Например, в соответствии с абз. 4 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. № 29 при признании этих преступлений совершенными организованной группой действия всех соучастников независимо от их роли в содеянном подлежат квалификации как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ. Подобные рекомендации содержатся и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1. Как указывается в абз. 4 п. 10 данного Постановления, «организованная группа — это группа из двух и более лиц, объединен-

¹ См.: п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» от 8 дек. 2008 г. № 25.

ных умыслом на совершение одного или нескольких убийств. Как правило, такая группа тщательно планирует преступление, заранее подготавливает орудия убийства, распределяет роли между участниками группы. Поэтому при признании убийства совершенным организованной группой действия всех участников независимо от их роли в преступлении следует квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ»¹.

Аналогичные рекомендации даются и относительно квалификации участников преступного сообщества (преступной организации). Так, в соответствии с разъяснениями, данными в абз. 2 п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» от 10 июня 2010 г. № 12, действия участника преступного сообщества (преступной организации), не являющегося исполнителем конкретного преступления, но в соответствии с распределением ролей в составе этого сообщества выполняющего функции организатора, подстрекателя либо пособника, подлежат квалификации независимо от его фактической роли в совершенном преступлении по соответствующей статье Уголовного кодекса Российской Федерации без ссылки на чч. 3, 4 и 5 ст. 33 УК РФ, а также по ч. 2 ст. 210 УК РФ.

Такая юридическая фикция призвана достигнуть одной единственной цели — наиболее суровыми мерами покарать участников организованных преступных формирований. Дело состоит в том, что в некоторых случаях обеспечение принципа справедливости, а также обеспечение задач уголовного законодательства требуют определенных юридических правил, но они в силу различного рода обстоятельств из положений действующего уголовного законодательства не могут быть выведены. Поэтому приходится подводить при известных предположениях данный фактический состав к действующей уголовно-правовой норме. Однако представляется, что такая практика не вполне обоснованна, поскольку до невероятных пределов размывает понятие исполнения преступления, что едва ли соответствует основным уголовно-правовым принци-

¹ Судебная практика последовательно идет по этому пути (см., например: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 29 мая 2012 г. № 48-О12-28 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2012. № 12 ; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 20 января 2011 г. № 46-О10-111 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 9 и т. д.).

пам, а обеспечить максимальную жесткость наказания можно другими средствами¹.

Таким образом, анализируя первые две формы исполнения преступления, можно сделать вывод о том, что участие в такой форме в совершении преступления может образовываться не только однородными действиями, но и разнородными, однако такими, которые в момент совершения преступления оказывают содействие другим исполнителям. На практике при анализе подобной ситуации сложно с достаточной четкостью разграничить, какую конкретно роль играл при совершении преступления соучастник — исполнителя или же организатора, подстрекателя или пособника². Возможность осуществить это целиком и полностью зависит от тщательного изучения объективной стороны конкретного состава преступления, выполненного в соучастии. Безусловно, прав в этом отношении М. И. Ковалев, который полагает, что при проведении разграничительной черты нужно исходить из понятия действия, так как только в этом случае станет ясно, что понимать под соучастием³.

Только законодательное описание преступления позволяет ответить на вопрос о том, какие действия нужно выполнить исполнителю, чтобы включиться в общую цепь причинности. Что касается различия в характере и объеме действий соучастников в подобной ситуации, то оно юридического значения практически не имеет — все лица остаются соисполнителями⁴.

Некоторый интерес вызывает вопрос о том, могут ли образовывать соисполнительство те случаи, когда один из исполнителей действует активно, а другой — пассивно, несмотря на то что вы-

¹ Средств уголовного закона в этой части вполне достаточно (например, ст. 67 УК РФ не предусматривает различие в наказании в зависимости от функций соучастника, поэтому вполне возможно назначение равного наказания каждому из них; п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ позволяет в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, учитывать особо активную роль в совершении преступления).

² Достаточно большое количество пересмотров приговоров в высших судебных инстанциях связано именно с тем, что зачастую ни следственные, ни судебные органы, ни органы прокуратуры не могут с достаточной четкостью отличить исполнение преступления от иных форм способствования ему. Данное обстоятельство наглядно свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки общего понятия «исполнение преступления».

³ Ковалев М. И. Указ. соч. С. 109—111.

⁴ Так, еще П. И. Гришаев и Г. А. Кригер справедливо утверждали, что некоторое различие в характере и объеме действий отдельных лиц в данном случае имеет чисто техническое, а не юридическое значение (См: Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по уголовному праву. М., 1959. С. 140).

полнение данного состава преступления возможно только действиями. Представляется, что на этот вопрос следует дать отрицательный ответ по той причине, что пассивный исполнитель вообще не касается объективной стороны преступления, выполняемого в соучастии. С другой стороны, в УК РФ содержится немало статей, объективная сторона которых может выполняться как путем действий, так и бездействием. При таком положении вещей предполагаемые исполнители либо оба должны активно действовать, либо же оба бездействовать. Если же один из исполнителей действует активно, а другой — пассивно, то исполнительскими могут быть признаны только действия первого. Что же касается характеристики роли пассивного соучастника, то он может рассматриваться исключительно как пособник и не более того¹. Другое дело, если объективная сторона состава преступления сконструирована таким образом, что может складываться в виде последовательно осуществляемой деятельности, в которой каждый из соучастников действует на определенном этапе, дополняя деяния других. Такой вариант при прочих условиях не исключает возможности соисполнительства при одном условии: все указанные лица включаются в совершение преступления до его юридического окончания.

В-третьих, исполнитель, сам непосредственно не выполняя состава конкретного преступления, для его совершения использует лиц, которые не являются субъектами уголовного права в силу недостижения возраста уголовной ответственности или же неменяемости или отсутствия специальных признаков субъекта конкретного преступления. Так, М. И. Ковалев справедливо указал на то, что человек может быть орудием преступления в руках другого лишь тогда, когда он действует вследствие порока воли или интеллектуального заблуждения². В связи с этим обоснованным представляется критика законодателя, предпринятая С. Ф. Милюковым, который указал на отсутствие законодательной регламентации таких ситуаций, когда посредственное причинение вреда выражается в использовании (без их ведома) лиц, способных нести ответственность при наличии у них неосторожной формы вины³. Весьма интересный пример

¹ Иного мнения придерживается М. И. Ковалев, который считает, что в этом случае о соисполнительстве все же может идти речь, но лишь при условии, если оба соучастника стремятся к достижению одного и того же результата (см.: Ковалев М. И. Указ. соч. С. 112—113).

² Ковалев М. И. Указ. соч. С. 100.

³ Милюков С. Ф. Указ. соч. С. 79.

приводит в связи с этим А. Н. Попов: «...субъект уговорил близорукого произвести выстрел из ружья в кусты, поскольку там якобы находится зверь, фактически же тем самым он чужими руками убил ненавистного ему человека, вместе с которым оказался на охоте. В этом случае произведший выстрел может быть привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 109 УК РФ, т. е. за неосторожное причинение смерти, а другое лицо — за убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ как непосредственный исполнитель данного преступления»¹.

Такая категория преступников получила название «посредственные исполнители» или «посредственные причинители» (второе наименование представляется более удачным)².

Посредственное исполнение преступления имеет место в такой ситуации, когда вменяемое и достигшее необходимого законом возраста лицо выполняет объективную сторону конкретного состава преступления не своими действиями, а использует для совершения преступления лиц, которые не являются его субъектами — невменяемых или же малолетних. При таком положении непосредственный исполнитель не может быть привлечен к уголовной ответственности в силу либо невменяемости, либо недостижения определенного возраста. Поэтому к ответственности за такое деяние привлекается только лицо, обладающее признаками субъекта (ч. 2 ст. 33 УК). Именно оно признается исполнителем преступления. Данные положения нуждаются в уточнении с точки зрения реализации принципа субъективного вменения. Особенность субъективной стороны посредственного исполнения преступления состоит в том, что посредственный исполнитель сознает, что использует для совершения общественно опасного деяния лицо, которое не отвечает признакам субъекта. Поэтому в уголовно-правовой литературе было высказано суждение, в соответствии с которым нужно констатировать наличие достоверного знания субъектом того, что он использует в преступных целях невменяемого. Однако реализовать данное положение на практи-

¹ Попов А. Н. Убийство, совершенное преступной группой (п. «ж» ч. 2. ст. 105 УК РФ). СПб., 2002. С. 22.

² Следует согласиться с мнением С. Ф. Милокова о не вполне удовлетворительной законодательной конструкции ч. 2 ст. 33 УК РФ, где посредственный причинитель называется исполнителем, а исполнитель, в соответствии с ч. 1 ст. 33 УК РФ, относится к соучастникам преступления. Он справедливо указывает на существование соучастников вне рамок института соучастия, что ощутимо расширяет пределы их ответственности, и предлагает дополнить ст. 32 УК РФ дефиницией о посредственном причинении, а ч. 2 ст. 33 УК РФ подвергнуть редакционным изменениям (См: Милоков С. Ф. Указ. соч. С. 79—80).

ке весьма проблематично, поскольку зачастую посредственный причинитель не обладает специальными познаниями в области психиатрии, а характер предшествующих взаимоотношений с используемым для совершения преступления лицом не всегда позволяет сделать вывод о его психической патологии. При этом посредственным причинителем могут быть допущены следующие ошибки:

- а) он считает здорового субъекта психически больным;
- б) он принимает психически больного человека за здорового человека.

При квалификации действий посредственного причинителя следует исходить из содержания умысла. В одном случае субъект при осуществлении преступных намерений может исходить из представления о том, что психическое отклонение используемого им лица является настолько значительным, что данное лицо не подлежит уголовной ответственности, а в другом — субъект может считать такого рода отклонения незначительными и не исключаящими уголовную ответственность. В первом случае деяние субъекта следует рассматривать как посредственное исполнение, во втором — как подстрекательство к преступлению.

В уголовно-правовой доктрине встречается позиция в соответствии с которой лицо, организовавшее для совершения преступления группу лиц без признаков соучастия, должно рассматриваться не как «посредственный исполнитель», а как организатор преступления, что в большей степени соответствует существу данного правового явления (кроме ситуаций, когда роль ответственного лица заключается только лишь в подстрекательстве к преступлению и не сопровождается организацией преступления — в последнем случае его деятельность по-прежнему должна рассматриваться как «посредственное причинение»)¹.

Среди других видов соучастников исполнителю отводится особое место. Поскольку от поведения исполнителя зависят основания и пределы ответственности других соучастников, он является фигурой, без которой не может быть соучастия. Если другие соучастники совмещают свои функции с исполнительскими действиями, то именно эти действия выступают доминирующими и поглощают организацию, подстрекательство, либо пособничество в преступлении².

¹ См.: Клименко Ю. А. Организатор в преступлении: понятие, виды, уголовно-правовое значение : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2011. С. 21.

² В литературе существует мнение, согласно которому самой опасной в соучастии является фигура организатора. Такие суждения едва ли можно считать

Исполнитель выступает в качестве основного звена соучастия, и только по отношению к нему и его деянию действия других соучастников приобретают юридическое значение, поскольку именно по действиям исполнителя определяется степень завершенности преступления, совершаемого в соучастии. Та стадия преступления, на которой завершилась деятельность исполнителя, является основанием для вменения и другим соучастникам.

Что касается субъективной стороны действий исполнителя, то они могут совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом, а в некоторых случаях и с двойной формой вины¹.

3. ОРГАНИЗАТОР

Организатор преступления (согласно ч. 3 ст. 33 УК РФ) — это лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а также лица, создавшие организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившие ими². Появлению такой законодательной дефиниции предшествовали длившиеся в уголовно-правовой науке не одно десятилетие теоретические изыскания относительно определения понятия организатора преступления³. Ученые-криминалисты стремились дать такое развернутое определение, которое с максимальной полнотой позволило бы охарактеризовать, пожалуй, самого опасного (исключая исполнителя) из всех соучастников, поскольку именно организатор является тем детонатором, который приводит в действие механизм совершения преступления. Еще в конце XIX в. А. Лохвицкий, сравнивая организатора с машинистом, пустившим в ход машину, указывал на него как на душу преступления, даже в том случае, если он не

обоснованными, хотя бы основываясь на том, какое место отвел законодатель исполнителю преступления при характеристике отдельных видов соучастников в ст. 33 УК РФ.

¹ Совершение исполнителем преступления с двумя формами вины в части причинения неосторожного результата нужно рассматривать как эксцесс исполнителя, за который другие соучастники ответственности не несут (ст. 36 УК РФ).

² Указание на организатора преступления как на одного из соучастников можно найти не только в отечественном уголовном праве, но и в уголовном праве зарубежных государств, однако стоит отметить, что, за исключением стран — бывших республик в составе СССР и стран бывшего социалистического лагеря, ни в одном уголовном законодательстве не содержится четкого определения этого понятия.

³ См: Гришаев П. И., Кригер Г. А. Указ. соч. С. 131 ; Бурчак Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев, 1969. С. 141—142 и др.

присутствует при его совершении, потому что присутствует его воля¹. А М. И. Ковалев верно отметил, что общественная опасность организатора во многих случаях заключается даже не в его активности, а в том, что он выступает еще и в качестве воспитателя преступных наклонностей и привычек у других лиц². Именно организатор играет координирующую роль в процессе реализации преступного умысла, и именно этого соучастника отличает наивысшая степень активности на различных стадиях реализации преступного намерения. В философском значении организация — это процесс, связанный с определенной деятельностью, включая такие функции, как распределение ролей, установление вертикальных и горизонтальных связей и координация³.

С объективной стороны законодательным понятием «организатор» охватываются четыре альтернативных вида организаторской деятельности (об их альтернативности позволяет говорить употребление законодателем разделительных, а не соединительных союзов в ч. 3 ст. 33 УК РФ)⁴.

Поэтому для его ответственности достаточно, чтобы организатор выполнил какое-либо одно из указанных в законе действий

¹ Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 146.

² Ковалев М. И. Указ. соч. С. 176.

³ Новейший философский словарь / В. А. Кондрашов, Д. А. Чекалов, В. Н. Копорулина; под общ. ред. А. П. Ярещенко. Ростов н/Д, 2005. С. 437.

⁴ В уголовно-правовой литературе можно встретить и деление организаторов на два вида: организаторы конкретных преступлений и организаторы преступных групп (см., например: Царегородцев А. М. Ответственность организаторов преступлений. Омск, 1978. С. 20; Шеслер А. В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью. Красноярск, 1999. С. 16.). Кроме того, некоторые исследователи, наоборот, предлагают более дробную классификацию организаторов. Так, Клименко Ю. А., основываясь на форме соучастия и объеме выполняемых соучастником функций, дает следующую типологическую классификацию (типологию) организаторов преступления: 1) организатор преступления (в рамках соучастия с выполнением различных ролей либо группы лиц по предварительному сговору); 2) руководитель совершения преступления (в рамках соучастия с выполнением различных ролей, группы лиц, группы лиц по предварительному сговору); 3) организатор организованной группы; 4) руководитель организованной группы; 5) организатор преступного сообщества (преступной организации); 6) руководитель преступного сообщества (преступной организации); 7) организатор конкретного преступления в рамках организованной группы; 8) организатор конкретного преступления в рамках преступной организации (преступного сообщества); 9) организатор структурного подразделения преступной организации (преступного сообщества); 10) руководитель структурного подразделения преступной организации (преступного сообщества) (см. подробнее: Клименко Ю. А. Указ. соч. С. 10—11).

(не вызывает каких-либо сомнений, что организация путем бездействия невозможна). Рассмотрим каждое из них в отдельности.

Во-первых, это организация совершения преступления.

Прежде всего отметим, что этот вид деятельности является определяющим для данного вида соучастника и вбирает в себя самый разнообразный круг действий¹. Он может выражаться в таких действиях как подыскание и подготовка участников преступления, оснащение их необходимыми орудиями и средствами, обучение соответствующим преступным навыкам и приемам, распределение ролей между соучастниками, разработка плана посяательства и т. п.

О. предложил К. и Ю. совершить разбойное нападение на водителя автомашины с применением оружия, пообещав обоим материальное вознаграждение. О. передал К. обрез и боевые патроны. Согласно разработанному О. плану Ю. должен был остановить автомобиль, а К. под угрозой оружия потребовать от водителя выйти из машины. После этого они должны были передать автомобиль О. Однако данное преступление не удалось довести до конца, поскольку автомашина, в которой находились К. и Ю., была задержана работниками ГАИ. Действия О. квалифицированы по ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 33 и пп. «а», «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ².

В целом же количественный и качественный состав действий организатора может быть самым разнообразным и зависит, как правило, от особенностей конкретного состава преступления. Такого рода деятельность осуществляется на стадиях, предшествующих исполнению объективной стороны намеченного преступления.

Следует обратить внимание на то, что эта форма организаторской деятельности достаточно близка по характеру действий к подстрекательству. Поэтому зачастую при квалификации возникают проблемы разграничения организации преступления и подстрекательства к его совершению.

Так, подстрекатель необоснованно был признан организатором убийства по найму. М. с целью единоличного владения и пользования квартирой, где помимо него были зарегистрированы и проживали его бывшая жена Д., дочь М. и муж дочери Н., решил организовать их убийство по найму и предложил своему

¹ Следует согласиться с мнением А. М. Царегородцева, который считал, что организация преступления является более многообразной, чем руководство преступлением, и последняя находится в отношении соподчинения с первой. А далее он вполне резонно отметил, что организатор — это прежде всего учредитель (устроитель), а уж только потом руководитель (см.: Царегородцев А. М. Указ. соч. С. 14, 23).

² Надзорное Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 26 марта 2002 г. № 16-Д02-7 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

знакомому Г. оказать содействие в поиске исполнителей данного преступления, сообщив, что за совершение убийств указанных лиц передаст Г. и исполнителям денежное вознаграждение в размере 45 тыс. дол. США. Г. дал согласие. Через некоторое время М. получил от Г. сообщение о том, что убийства совершены. М. договорился о встрече. С указанной целью М. встретился с Г., а также с А. и Ф., представленными ему в качестве лиц, совершивших убийства. После получения личных документов потерпевших М. передал Г. часть денежного вознаграждения в сумме 600 тыс. р, пообещав оставшуюся сумму денег выплатить позже. Преступление не было доведено до конца по не зависящим от осужденного обстоятельствам, так как Г., А. и Ф. действовали в рамках оперативного эксперимента. После передачи денег М. был задержан.

Действия М. были квалифицированы судом по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30, пп. «а», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор суда в отношении М. и переквалифицировала его действия с ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30, пп. «а», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 30, пп. «а», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. При этом высшие судебные инстанции руководствовались следующими моментами. М. не совершал ни одного из действий, указанных в ч. 3 ст. 33 УК РФ. М. предложил Г. найти исполнителей убийства потерпевших, за что обещал ему и исполнителям убийства 45 тыс. дол. США. Каких-либо иных действий, связанных с организацией совершения преступления или же руководством им М. не совершал. Таким образом, осужденный склонил другое лицо к совершению преступления путем подкупа, т. е. являлся подстрекателем, поэтому его действия следует переквалифицировать на ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 30, пп. «а», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹.

Отличие организации совершения преступления от подстрекательства к его совершению состоит в том, что при подстрекательстве только формируется умысел виновного на совершение общественно опасного деяния. При этом никаких действий, связанных с управлением процессом подготовки или совершения преступления не осуществляется.

В правоприменительной практике достаточно часто возникают случаи, когда лица совмещает функции подстрекателя и пособника. Квалификация в таких случаях осуществляется, как правило, по чч. 4 и 5 ст. 33 УК РФ.

Красноярским краевым судом осуждены П. и С. по ч. 2 ст. 146 УК РСФСР за разбойное нападение. По делу установлено, что именно П. предложил совершить разбойное нападение, разведал, что в доме находятся только хозяйка и ее сожитель, о чем сообщил участникам разбойного нападения. В дальнейшем он находился в автомашине и не участвовал в непосредственном проникновении в жилище потерпевших и изъятии их имущества, т. е. не являлся соисполнителем

¹ Кассационное Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 17 февр. 2009 г. № 5-О09-18 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

разбоя. При кассационном рассмотрении дела действия П. перекавалифицированы на ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 162 УК РФ.

Как указала кассационная инстанция, изменяя приговор Верховного суда Республики Северная Осетия — Алания в отношении В. (осужденной по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство группой лиц по предварительному сговору), судом установлено и признано в приговоре, что В. непосредственно не участвовала в лишении П. жизни, а являлась лишь подстрекателем и пособником, поэтому ее действия подлежат перекалфикации на чч. 4, 5 ст. 33, п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹.

Однако представляется, что если лицо совмещает в себе функции подстрекателя к совершению преступления и пособника совершению преступления, то оно практически выполняет функции по организации совершения преступления. Так, в приведенном выше примере П.: а) предложил совершить разбойное нападение (а это является подстрекательством к совершению преступления); б) разведал, что в доме находятся только хозяйка и ее сожитель, о чем сообщил участникам разбойного нападения (а это является пособничеством совершению преступления в форме предоставления информации, имеющей значение для совершения преступления). В итоге П. фактически подыскал и подготовил соучастников преступления, т. е. выполнил организаторские функции.

В некоторых случаях следственные и судебные органы допускали другие крайности: лицу, организовавшему совершение преступления, склонившему к его совершению другое лицо и оказавшему информационную помощь исполнителю преступления, были вменены в совокупности чч. 3, 4, 5 ст. 33 УК РФ².

Думается, что совмещение функций подстрекателя и пособника практически во всех случаях приводит к появлению качественно иного характера участия в совершении преступления — его организации.

Следовательно, в случаях такого рода действия виновного лица должны оцениваться не по чч. 4, 5 ст. 33 УК РФ, а по ч. 3 ст. 33 УК РФ как организация совершения конкретного преступления.

Во-вторых, это руководство совершением преступления. Руководство совершением преступления — это деятельность организатора по направлению действий соучастников в процессе совершения преступления. Это может быть распределение участников на месте совершения преступления, координация их дей-

¹ Обзор Кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2000 г. [Электронный ресурс] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001 № 7. URL: http://www.vsrfr.ru/vscourt_detale.php?id=2300 (дата обращения: 27.03.2013).

² См. подробнее: Безбородов Д. А. Подстрекательство к совершению преступления. Тюмень, 2000. С. 97—98.

ствий, отдача распоряжений, связанных с выполнением объективной стороны состава преступления и др. Главное то, что организатор координирует деяния всех соучастников, объединяя их единой волей и направляя их деятельность в нужное русло — на достижение преступного результата. В целом, по справедливому замечанию А. Ф. Зелинского, руководство совершением преступления выражается в соединении усилий соучастников в процессе преступного посягательства¹. В некоторых случаях организатор может принять непосредственное участие в выполнении объективной стороны того состава преступления, совершение которого он организовал. Позиция правоприменителя тогда должна быть однозначной: организатор должен нести ответственность как соисполнитель, а его инициативная роль в подготовке и совершении преступления должна быть учтена при назначении наказания².

В-третьих, это создание организованной группы или преступного сообщества (преступной организации). Деятельность организатора по созданию организованной группы или преступного сообщества включает в себя формирование преступного объединения. Формирование преступного объединения проходит следующие этапы:

а) подбор соучастников (вербовка) с использованием всего того арсенала, которым пользуется подстрекатель;

б) действия по сплочению соучастников, включающие определение целей и задач предстоящей преступной деятельности, построение структуры организации и системы корпоративного взаимодействия внутри организованной группы или преступного сообщества, а также установление дисциплины внутри преступного образования.

Так, в соответствии с разъяснениями, данными в абз. 1 п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации

¹ Зелинский А. Ф. Соучастие в преступлении : лекция. Волгоград, 1971. С. 16. Аналогичную точку зрения можно встретить и у А. М. Царегородцева (см.: Царегородцев А. М. Указ. соч. С. 18).

² Закон прямо не указывает на фигуру инициатора, однако косвенно ее допускает, указывая в п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ на особо активную роль в совершении преступления. Достаточно широко этот термин используется в следственной и судебной практике, где инициатором преступления, как правило, признается подстрекатель либо организатор, впоследствии еще и выполняющий функции исполнителя преступного деяния. В теории уголовного права эта тенденция практики, по сути, остается без внимания. Более того, в юридической литературе также используется понятие инициатора без конкретного указания его содержания и при произвольном перечне круга инициаторов. (см: Шнейдер М. А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. М., 1959. С. 17 ; Бурчак Ф. Г. Указ. соч. С. 135).

«О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» от 17 января 1997 г. № 1, создание банды (как разновидности организованной группы) предполагает совершение любых действий, результатом которых стало образование организованной устойчивой вооруженной группы в целях нападения на граждан либо организации. Эти действия могут выражаться в сговоре, приискании соучастников, финансировании, приобретении оружия и т. п.

В-четвертых, это руководство организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией). Под руководством в данном случае понимается обеспечение этих преступных образований необходимыми средствами, распределение обязанностей, мест и направлений криминальных действий, координация действий участников объединения, разработка мер противодействия правоохранительным органам, обеспечение финансовой и юридической помощи членам объединения и т. п.

Раскрывая понятие руководства преступным сообществом (преступной организацией), Верховный Суд Российской Федерации указал на то, что к нему может быть отнесено осуществление организационных и (или) управленческих функций в отношении преступного сообщества (преступной организации), его (ее) структурных подразделений, а также отдельных его (ее) участников:

- 1) при совершении конкретных преступлений;
- 2) при обеспечении деятельности преступного сообщества (преступной организации).

Такое руководство, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, может выражаться, в частности:

а) в определении целей и в разработке общих планов деятельности преступного сообщества (преступной организации);

б) в подготовке к совершению конкретных тяжких или особо тяжких преступлений;

в) в совершении иных действий, направленных на достижение целей, поставленных преступным сообществом (преступной организацией) и входящими в его (ее) структуру подразделениями при их создании (например, в распределении ролей между членами сообщества, в организации материально-технического обеспечения, в разработке способов совершения и сокрытия совершенных преступлений, в принятии мер безопасности в отношении членов преступного сообщества, в конспирации и в распределении средств, полученных от преступной деятельности);

г) в принятии решений и даче соответствующих указаний участникам преступного сообщества (преступной организации)

по вопросам, связанным с распределением доходов, полученных от преступной деятельности, с легализацией (отмыванием) денежных средств, добытых преступным путем, с вербовкой новых участников, с внедрением членов преступного сообщества (преступной организации) в государственные, в том числе правоохранительные, органы.

Учитывая сложности осуществления управленческой деятельности в подобного рода объединениях, Верховный Суд Российской Федерации допустил, что руководство преступным сообществом (преступной организацией) может осуществляться:

а) единолично руководителем преступного сообщества (преступной организации);

б) двумя и более лицами, объединившимися для совместного руководства (например, руководителем преступного сообщества (преступной организации), руководителем структурного подразделения, руководителем (лидером) организованной группы)¹.

При руководстве организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) усилия организатора зачастую направлены на организацию и обеспечение преступной деятельности вообще. Эта деятельность чаще связана с множеством преступных акций, но не исключает длительную и тщательную подготовку, направленную на совершение одного, но особо тяжкого преступления, отличающегося повышенной общественной опасностью.

В целом деятельность организаторов двух последних групп по своему характеру и объему предпринимаемых действий значительно шире, чем деятельность по организации и руководству конкретным преступлением.

Ввиду того, что последние два варианта преступного поведения обладают повышенной общественной опасностью в Особенной части УК РФ предусмотрен ряд статей, где рассматриваемая деятельность организатора представляет собой объективную сторону самостоятельных составов преступлений². В этом случае

¹ См. п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем ней» от 10 июня 2010 г. № 12.

² Вызывает сомнение высказывание Ф. Г. Бурчака о том, что действия организаторов преступных сообществ являются одним из видов деятельности, рассматриваемой как преступление непосредственно в статьях Особенной части Уголовного кодекса. Следовательно, по его мнению, в статье, предусматривающей ответственность соучастников, в Общей части говорить об этом нет необходимости (см.: Бурчак Ф. Г. Указ. соч. С. 141). Дело в том, что в Особенной

квалификация действий организатора не требует ссылки на ч. 3 ст. 33 УК РФ.

С субъективной стороны деятельность организатора может осуществляться исключительно с прямым умыслом¹. При этом вполне допустима такая ситуация, при которой организатор может и не знать некоторых соучастников или же детальных особенностей совершения конкретных преступлений. Главным для деятельности организатора является намерение осуществлять преступную деятельность чужими руками.

4. ПОДСТРЕКАТЕЛЬ

Подстрекатель (согласно ч. 4 ст. 33 УК РФ) — это лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом.

Сущность подстрекательства проявляется в том, что подстрекатель воздействует на сознание и волю предполагаемого исполнителя для склонения последнего к совершению преступления. При этом следует учитывать, что влияние подстрекателя не носит фатального характера для совершения преступления исполнителем, поскольку не парализует его волю (в противном случае он считался бы посредственным исполнителем преступления). Деятельность этого соучастника характеризуется тем, что он вызывает у другого лица намерение совершить преступление.

Характерной особенностью этого соучастника является то, что именно у него возникает инициатива, направленная на совершение преступления, и то, что он действует посредством использования других участников.

Определяющими являются следующие черты подстрекательства.

Во-первых, подстрекательство предполагает склонение конкретного лица или группы индивидуально определенных персонафицированных лиц к совершению преступления.

части не содержится универсального определения организатора, а есть лишь конкретные формы проявления организаторской деятельности (см., например, ст.ст. 208, 209, 210, 212, 239, 242 УК РФ и др.).

¹ В теории уголовного права эта точка зрения поддерживается практически всеми учеными (например: Сергеев В. В. Косвенный умысел при соучастии // Вестник Московского университета. 1971. № 1. С. 62 ; Кузнецов Л. Квалификация соучастия в преступлении // Советская юстиция. 1965. № 11 ; Прохоров В. С. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1962. С. 16 и др.).

Этот признак отличает подстрекательство от таких действий, как агитация и пропаганда. Агитация — это устная и печатная деятельность среди широких масс, имеющая целью распространение каких-нибудь идей для воспитания масс и привлечения их к активной общественно-политической жизни¹. Под пропагандой понимается распространение в массах и разъяснение каких-нибудь воззрений, идей, учения, знаний². Такого рода действия могут быть признаны подстрекательством особого рода — подстрекательством *suī generis* и находить проявление в конкретных составах преступлений. В качестве примера можно привести ч. 3 ст. 212 УК РФ, ст. 280 УК РФ.

Во-вторых, подстрекательство предполагает склонение к совершению конкретного преступления, а не к занятию преступной деятельностью вообще.

Данный признак предполагает:

а) чтобы лицо склонялось именно к преступлению, а не имело бы место «общее развращение». Под общим развращением понимается такое негативное влияние одного лица на другое, которое сказывается на его поведении и находится, таким образом, с ним в субъективной связи. Наглядной иллюстрацией вышеизложенного может послужить ставшее в этом отношении классическим дело Быстрова.

Б. был осужден за подстрекательство О. к убийству Р. Б. постоянно разжигал чувство ревности у О., рассказывая ей о своих прежних отношениях с женщинами, в том числе и с Р. Под влиянием этих рассказов О. убила Р. В протесте заместителя Генерального Прокурора СССР, принесенном на приговор, отмечалось, что «если даже считать по делу установленным, что Б. рассказывал О. о своих отношениях с Р. ... то это не дает никакого основания для вывода, что Б. подстрекал О. к убийству». Протест был удовлетворен³;

б) чтобы лицо, в отношении которого действует подстрекатель, обязательно совершило действия, образующие состав того преступления, к совершению которого склонял подстрекатель. Иначе говоря, при уголовно-правовой оценке действий виновного как подстрекательства необходимо установить умысел данного лица на достижение исполнителем определенных преступных последствий.

¹ См.: Ожегов С. И. Указ. соч. С. 19.

² См.: Ожегов С. И. Указ. соч. С. 534.

³ Из практики Прокуратуры СССР по надзору за соблюдением законности (по уголовным делам) // Социалистическая законность. 1959. № 7. С. 93—94; см. также: Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР: 1964—1972 гг. М., 1974. С. 63.

Однако достаточно часто в правоприменительной практике встречаются случаи, когда одно лицо склоняет другое к совершению преступления, при этом умысел склоняющего носит неопределенный характер относительно предполагаемого преступления. Действия, исходящие от склоняющего, могут быть не определены по своему содержанию, выражены абстрактно (например, «избей», «сделай так, чтобы ему плохо стало», «создай для него проблемы»), так что по внешним признакам сразу довольно сложно понять характер намерений виновного и дать правильную юридическую оценку его действиям.

А., желая наказать Б. за неуплату долга, склоняет В. к тому, чтобы тот наказал Б. за его поведение, не конкретизируя при этом виды и объем вероятных последствий, ограничиваясь только общими указаниями (например: «сделай так, чтобы он в больнице полежал и подумал»).

Во время отдыха и совместного распития спиртных напитков П. затеял ссору с М., оскорбил его, за что последний причинил ему побои. И. подошел к П. и сказал: «Что ты распустил нюни? Иди возьми доску и дай М. как следует». П. взял доску, подошел к сидевшему М. сзади и с силой ударил его доской по голове, причинив тяжкий вред здоровью.

В таких случаях действия лица могут оцениваться как подстрекательские только тогда, когда будет установлен факт осознания им круга вероятных последствий совершенного исполнителем преступления. В целом же проблема квалификации неконкретизированных действий склоняющего, по сути, упирается в вопрос установления его субъективной стороны, а точнее, определения направленности умысла виновного, принципом решения которого является выявление и оценка всех юридически значимых фактических обстоятельств дела.

Хотя, следует помнить о том, что могут быть исключения. Например, кто-то желает устранить общественного деятеля с целью мести за его политическую деятельность. Для этого он подкупает исполнителя, которому сообщает о своем намерении убить этого человека по мотивам мести за неуплаченный долг, не говоря об истинных мотивах своей деятельности;

в) чтобы лицо склонялось для участия в любой форме (исполнитель, организатор или пособник) в совершении преступления. Действия подстрекателя могут распространяться не только на возможного исполнителя преступления, но и на организатора, пособника или другого подстрекателя.

Предприниматель П., желая избавиться от компаньона Б., обратился к С. с просьбой найти лицо, которое за вознаграждение убило бы Б., и передал ему для этого 6 тыс. дол. США. С. путем уговоров склонил своего знакомого Г. непосредственно совершить убийство за вознаграждение в сумме 3 тыс. дол. США,

передал ему фотографии потерпевшего и сообщил необходимые данные. Г. привлек к совершению преступления своего знакомого М., пообещав при этом простить тому долг в 1 тыс. дол. США, и они вместе убили Б. Из обстоятельств дела видно, что каждый из осужденных (С. и П.) подстрекал к убийству только одного человека (П. — С., а С. — Г.)¹.

Стоит отметить, что еще И. Я. Хейфец предполагал, что возможно также соучастие в подстрекательстве. По его мнению, это может проявиться в следующих формах: а) несколько лиц могут совместно подстрекать деятеля к совершению одного и того же деликта: они являются совиновниками совершения преступного деяния через другое лицо и, следовательно, караются как подстрекатели к деликту; б) подстрекатель к подстрекательству является подстрекателем к совершению деликта; в) пособничество при подстрекательстве должно караться как пособничество к деликту².

В-третьих, способы подстрекательства могут быть разнообразными. Они могут иметь самостоятельное уголовно-правовое значение в том случае, если представляют собой самостоятельный состав преступления.

Спектр действий подстрекателя весьма разнообразен. Действия могут носить одномоментный характер, а могут и продолжаться длительное время. Это будет зависеть, прежде всего, от личности подстрекаемого лица, от его способности противостоять прессингу подстрекателя. В ряде случаев бывает достаточно только одного слова, чтобы направить на совершение преступления, и, наоборот, наиболее жесткие способы воздействия могут не оказать никакого влияния.

В целях возбуждения у лица желания совершить преступление подстрекатель может использовать интеллектуальные и физические методы воздействия, начиная с самых обычных и весьма заурядных намеков, подсказок и заканчивая угрозами различной направленности. Вполне вероятны такие случаи, когда подстрекатель с такой интенсивностью вкладывается в совершение преступления, что должен понести ответственность гораздо большую, чем непосредственный исполнитель преступления.

Деяние подстрекателя подразумевает совершение каких-либо активных действий, направленных на то, чтобы склонить лицо к совершению конкретного преступления. Для того чтобы вызвать

¹ Кассационное Определение Военной коллегии Верховного Суда Рос. Федерации от 5 сент. 2003 г. № 4-014/03 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Хейфец И. Я. Подстрекательство к преступлению. СПб., 1914. С. 17.

у лица желание совершить общественно опасное деяние (причем безразлично, будет то действие или бездействие), необходимо активное влияние на его волю и сознание, возбуждение таких мотивов, которые подвигнут лицо к противоправному поступку. Сомнительно, что можно возбудить желание совершить преступление путем бездействия, являясь при этом сознательным его вдохновителем. Некоторые отечественные криминалисты полагали, что подстрекательство возможно и путем бездействия¹. Такая позиция представляется неоправданной. Она существенно расширяет пределы признания того или иного лица подстрекателем, что приводит к неправомерному применению уголовного закона, и в частности норм, касающихся института соучастия. Представляется, что бездействие не может образовывать соучастия (подстрекательства) по той простой причине, что желание совершить преступление возникает непосредственно у исполнителя без вмешательства чьей-либо посторонней воли. Как можно подстрекать к совершению преступления, не проявив во вне своего намерения подчинить чью-либо волю и направить ее в нужное русло? Правильна точка зрения В. Д. Спасовича, согласно которой «средства подстрекательства должны заключаться в действии, а не в бездействии, невозможно подстрекательство безмолвное или подразумеваемое»².

Итак, подстрекательство возможно только путем совершения активных действий, но какой же характер должны носить действия, направленные на возбуждение у лица желания совершить преступление? Какие способы возможны при осуществлении подстрекательской деятельности? Прежде всего необходимо указать на то разнообразие, которое существует в отечественной науке по вопросам терминологии, поскольку одни и те же понятия определяются различными терминами. Так, просьбу, убеждение, подкуп и т. д. А. А. Пионтковский называет средствами подстрекательства³; А. Н. Трайнин — способами подстрекательства⁴; П. И. Гришаев и Г. А. Кригер — методами и средствами подстрекатель-

¹ В литературе иную точку зрения можно встретить, пожалуй, только у М. И. Ковалева. При этом он утверждает, что «теоретически нельзя безоговорочно отрицать возможность подстрекательства путем бездействия». Однако сам М. И. Ковалев никаких примеров подстрекательства путем бездействия не привел (см.: Ковалев М. И. Указ соч. С. 135).

² Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб., 1863. Вып. 1. С. 173.

³ Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права : в 6 т. М., 1970. Т. 2. С. 472.

⁴ Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941. С. 100.

ства¹; А. А. Герцензон — формами подстрекательства; И. Я. Хейфец говорил о средствах и способах действия подстрекателя².

Своеобразное решение данной проблемы предложил Ф. Г. Бурчак: «под средствами подстрекательства мы будем понимать приемы, которыми пользуется подстрекатель для воздействия на психику подстрекаемого, а под формой подстрекательства — внешнее выявление избранных подстрекателем средств. Термин “способ” может применяться для выражения средств подстрекательства в их динамике»³. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что Уголовный кодекс Российской Федерации говорит о склонении лица к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. Правильно поступил законодатель, устранив терминологическую неразбериху, существовавшую до недавнего времени. Термин «средства» уместнее было бы употреблять по отношению к тем предметам материального мира, с помощью которых подстрекатель осуществляет свою преступную деятельность. Термин же «способ» как раз обозначает тот путь, которым идет подстрекатель к намеченной цели.

Вместе с тем едва ли стоит согласиться с законодателем в указании конкретных способов осуществления подстрекательской деятельности.

В мировой практике уголовного законодательства можно встретить по меньшей мере три подхода к определению подстрекательства. Первый из них сводится к тому, чтобы изначально дать в законе исчерпывающий перечень всех наказуемых способов подстрекательской деятельности, оставив все остальные за рамками законодательства. Так, согласно ст. 60 Уголовного кодекса Франции 1992 г. подстрекателем признается лицо, которое при помощи подарков, обещаний, угроз, требований, злоупотребления властью или полномочиями совершило подстрекательство к преступному деянию⁴.

Второй подход предусматривает лишь общую формулировку понятия подстрекательства, не приводя ни одного конкретного способа его осуществления. По такому пути пошли создатели Уголовного кодекса Германии 1871 г. (в редакции от 10 марта 1987 г. с изменениями на 1 апреля 1998 г.). В соответствии с § 26

¹ Гришаев П. И., Кригер Г. А. Указ. соч. С. 143.

² Хейфец И. Я. Указ. соч. С. 35—40.

³ Бурчак Ф. Г. Указ. соч. С. 147.

⁴ См.: Крылова Н. Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции. М., 1996. С. 22.

УК ФРГ подстрекателем является тот, кто «умышленно склонял другого к умышленному совершению противоправного деяния»¹.

И наконец, третий подход можно назвать комбинированным, поскольку он сочетает в себе как общее определение понятия подстрекательства, так и примерный перечень способов склонения. Этот вариант нашел свое воплощение в УК РФ.

Представляется совершенно излишним заострять внимание правоприменителей на конкретных способах, оставляя в тени иные. При такой конструкции данной нормы центр тяжести переносится на сторону указанных в законе способов и практически остается без внимания весь тот арсенал, которым может пользоваться подстрекатель. Ни одному даже самому дальновидному законодателю не дано предугадать «все формы нравственного влияния одного лица на другое»². Поэтому бессмысленны любые попытки перечислить все возможные способы подстрекательства. Как бы ни старался законодатель объять необъятное, все равно в конце концов найдется способ, формально не запрещенный уголовным законом, но по своему внутреннему содержанию являющийся общественно опасным. Французский юрист Э. Гарсон, будучи убежденным сторонником казуистического описания подстрекательства, тем не менее признает, что УК Франции дает возможность уйти от ответственности тем, чьи действия не лишены общественной опасности. При этом он приводит случай из практики, когда склонивший к преступлению, несмотря на то что он щедро заплатил исполнителю после совершения преступления, был оправдан судом, так как его словесное подстрекательство не было подкреплено оплатой или ее обещанием до совершения преступления исполнителем³. Всю ущербность такого подхода французское законодательство демонстрирует уже достаточно длительный период времени. Созданные под влиянием идей классической школы казуистические постановления Code penal способствуют нахождению подстрекателями новых, более изощренных способов склонения, что приводит к расширительному толкованию закона и заставляет балансировать на грани аналогии⁴.

¹ См.: Уголовное законодательство зарубежных стран: Англии, США, Франции, Германии, Японии : сборник законодательных материалов / под ред. И. Д. Козочкина. М., 1999. С. 257.

² Спасович В. Д. Указ. соч. С. 173.

³ См.: Уголовное право зарубежных государств. Вып. 2: Стадии преступления и соучастие. М., 1973. С. 144—145.

⁴ Там же. С. 144.

Ранее в науке отечественного уголовного права существовало мнение, что подстрекательство может быть совершено только известными, определенными способами. Это вызывало бурные дебаты о том, составляет ли тот или другой вид воздействия достаточный для подстрекательства способ. В свое время верно говорил Н. С. Таганцев, что для подстрекательства необходимо только, чтобы данное лицо определило другого к совершению преступного деяния, каким бы путем оно этого не достигало¹. Думается, что можно было бы лишь указать на общую формулу подстрекательства, не акцентируя внимания на конкретных его способах. Тем не менее, поскольку законодатель называет определенные способы подстрекательства, необходимо провести их анализ.

Итак, в качестве первого способа подстрекательства законодателем выделяется *уговор*. Что же представляет собой уговор как способ подстрекательства? Под уговором подразумевается длящийся во времени процесс воздействия на психику подстрекаемого. В данном случае подстрекатель воздействует преимущественно на эмоциональную сферу предполагаемого исполнителя, на его чувства. Уговаривая, подстрекатель действует открыто, почти не таясь, и, как правило, не скрывает своей личной заинтересованности в совершаемом преступлении.

Отчасти к разновидностям уговоров можно отнести просьбы и убеждения. Отличие их состоит в следующем. Просьба, например, как и уговор, обнаруживает личную заинтересованность подстрекателя и, возможно, третьих лиц, о существовании которых подстрекаемый может и не предполагать. Просьба по своей протяженности во времени всегда одномоментна и не имеет, в отличие от уговоров, длящегося характера. Как и уговор, просьба предполагает наличие каких-либо отношений между подстрекателем и предполагаемым исполнителем преступления. Поскольку в основе просьбы лежит заинтересованность подстрекателя или близких ему лиц в конечном результате и подобный интерес у исполнителя преступления отсутствует, некоторые ученые считают просьбу недостаточно эффективным способом подстрекательства. Так, А. Лохвицкий усомнился в действенности такого способа: «Люди убивают, грабят, жгут для удовлетворения какой-нибудь страсти, мщения, корыстолюбия, вследствие подкупа... но чтобы они... накликали на себя уголовную кару... единственно из-за просьбы, нельзя себе представить»². Однако у исполнителя, откликнувшего

¹ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 773.

² Лохвицкий А. Указ. соч. С. 147.

гося на просьбу, все же есть свой интерес. Правда, кроется он не в самом результате преступления, а в тех выгодах, которые ожидает получить исполнитель от подстрекателя за совершение преступления. Причем отличие этого способа подстрекательства от подкупа, допустим, заключается в том, что выгода непосредственно подстрекателем не обещается. Эти выгоды сам исполнитель может лишь предположить. Особенно часты случаи выполнения преступных просьб при наличии между подстрекателем и исполнителем родственных уз либо иных близких отношений.

Для того чтобы выяснить, являлась ли просьба способом подстрекательства в конкретном случае, необходимо установить всю совокупность взаимоотношений между подстрекателем и исполнителем.

Среди ученых-криминалистов нет единого мнения по вопросу о том, является ли просьба способом подстрекательства. Противники этой концепции считают, что излишне расширять понятие подстрекательства. Думается, что прав был Н. С. Таганцев, утверждая: «Если, конечно, не всякая просьба может быть признана подстрекательством, то в то же время могут быть в жизни такие близкие отношения, глубокая любовь, безграничная преданность, при которых даже самой незначительной просьбы достаточно, чтобы подвигнуть другого или на геройский подвиг или на преступление»¹. М. И. Ковалев также полагает, что просьба вполне соответствует тем требованиям, «которые делают ее эффективным средством склонения к преступлению»².

Как уже говорилось, по своей сущности уговор напоминает *убеждение*. Под убеждением подразумевается предоставление подстрекаемому лицу таких оснований, которые делают необходимым для последнего совершение определенного деяния. В этом случае воздействие осуществляется не на эмоциональную сферу и чувства подстрекаемого, а на его разум. Подстрекатель стремится раскрыть все те выгоды, пользу из которых извлечет для себя исполнитель преступления. Подстрекатель при этом про себя как бы забывает (а иногда это может быть и действительно так), он делает вид, что ему безразлично, совершит ли данное деяние исполнитель, на передний план выдвигаются интересы исполнителя. Таким образом, отличие уговора от убеждения заключается в том, что исполнителю внушается мысль о наличии в преступлении его собственного интереса. Такое убеждение только тогда можно счи-

¹ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 775.

² Ковалев М. И. Указ. соч. С. 141.

тать способом подстрекательства, когда оно действительно является условием, определяющим деятельность исполнителя.

В принципе уговоры и убеждение очень схожи между собой, оба этих способа носят длящийся характер, и различать их следует лишь с учетом той сферы личности, на которую оказывается влияние подстрекателя. Хотя убеждение может и не носить длящегося характера. Главное в этом случае — не столько продолжительность психологического воздействия, сколько весомость аргументов подстрекателя.

К указанным выше способам примыкает *поручение*. Н. С. Таганцев считал его разновидностью просьбы¹. Поручение представляет собой возложение подстрекателем на будущего исполнителя задания совершить противоправное деяние². О поручении можно говорить только тогда (и в этом заключается его специфика), когда подстрекатель в силу своего положения (не обязательно служебного) может оказывать решающее воздействие на поведение исполнителя. Вместе с тем, однако, не следует смешивать поручение с приказом. Отличие между ними заключается в том, что в основе поручения лежит не превышение либо злоупотребление должностными полномочиями, а злоупотребление авторитетом. Авторитет же действительно может быть обусловлен исполняемыми данным лицом функциями, но это не является обязательным условием. Поэтому преступное поручение может быть дано одним членом семьи другому. С таким поручением может обратиться к преступнику уголовный авторитет, что особенно вероятно в местах лишения свободы с установленной там особой внутренней иерархией.

Следующим способом, который выделяет законодатель при определении подстрекательской деятельности, является *подкуп*.

Подкуп — это дача или обещание какого-либо вознаграждения за совершение преступления. В общем-то безразлично, были даны или обещаны деньги, ценности или же обещана какая-либо иная выгода. Необходимо иметь в виду то обстоятельство, что подкуп может осуществляться в отношении должностного лица, в этом случае он превращается во взятку. Представляется не имеющим важного значения тот момент, когда обещанное вознаграждение исполнителю фактически не выдается. Главное, чтобы был сам факт обещания какой-либо выгоды за совершение общественно

¹ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 775.

² Аналогию этого способа подстрекательства с гражданско-правовой сделкой пытался провести А. Жиряев (см.: Жиряев А. О стечении нескольких преступников в одном и том же преступлении. Дерпт, 1850. С. 58).

опасного деяния. Сущность подкупа верно охарактеризовал А. Лохвицкий, указав, что «человек, который дает деньги или другую выгоду, показывает, что его убеждения... не шутка... а серьезное желание: он дает деньги — этим покупает руку убийцы»¹.

Подкуп как способ совершения подстрекательских действий встречается довольно часто. Как уже отмечалось, он может быть облечен в форму денежного вознаграждения.

Кроме того, подкуп может выразиться также и в прощении долга. Интересно отметить, что в качестве подстрекателей, использующих подкуп, в судебной практике очень часто выступают женщины. Как правило, это убийство своих супругов на почве личных неприязненных отношений или для получения прав на жилую площадь, а также из-за нежелания делить имущество при разводе. Таким образом, продолжают оставаться актуальными слова А. Лохвицкого: «Время итальянских брави², конечно, прошло, но кто не знает, что и теперь за деньги можно отыскать людей, готовых на любое злодейство»³.

Особый интерес вызывает такой способ подстрекательства, указанный законодателем, *как угроза*.

Сущность этого способа сводится к тому, что подстрекатель угрожает причинением каких-либо неблагоприятных последствий в случае невыполнения преступного деяния, необходимого последнему. При этом угроза должна содержать все присущие ей атрибуты, т. е. реальность и выполнимость. Угроза может заключаться как в причинении какого-либо вреда, так и в неустранении вреда уже существующего. Совсем необязательно, чтобы угроза была направлена непосредственно на подстрекаемого, она может быть направлена на его родных, близких ему людей.

Возможна такая ситуация, когда угроза лишает человека возможности действовать каким-то иным образом, лишает его права сделать выбор между несколькими вариантами поведения. В таком случае представляется правильным использовать нормы о крайней необходимости и освободить подстрекаемого таким образом от уголовной ответственности, если соблюдены все правила крайней необходимости. В противном случае можно вести речь об обстоя-

¹ Лохвицкий А. Указ. соч. С. 148.

² Имеются в виду профессиональные наемные убийцы в средневековой Италии, к помощи которых прибегали даже государственные власти для приведения в исполнение смертных приговоров (подробнее см.: Ковалев М. И. Указ. соч. С. 139).

³ Лохвицкий А. Указ. соч. С. 148.

тельствах, смягчающих ответственность. Что же касается подстрекателя, то, лишив подстрекаемое лицо определенных вариантов поведения, он превращается в посредственного исполнителя преступления со всеми вытекающими из этого последствиями.

Говоря о насилии психическом (угрозе), нельзя умолчать и о *насилии физическом* как способе подстрекательства. Оно представляет собой «умышленное неправомерное причинение вредного физического последствия другому человеку против или помимо его воли, путем энергетического (механического, физического, химического, биологического) воздействия на органы, ткани или физиологические функции организма потерпевшего»¹. Как способ подстрекательства к преступлению физическое насилие встречается крайне редко и является таковым лишь тогда, когда исключается состояние крайней необходимости.

Среди отечественных криминалистов многие указывают на *приказ* как на один из путей воздействия на подстрекаемого². Этот способ является одним из наиболее действенных, несмотря на ограничения, при которых он может применяться. Ограничение это выражается в том, что приказ может быть использован только в отношении лиц, подчиненных подстрекателю по службе. Необходимо выделить две категории приказов: к первой относятся приказы, от выполнения которых невозможно отказаться, т. е. приказы строго обязательные; ко второй — такие приказы, когда остается возможность выбора иного варианта поведения.

Если приказ носит строго обязательный характер, при этом не носит характера явно незаконного, и от его выполнения уклониться невозможно, исполнитель, как правило, освобождается от уголовной ответственности, а лицо, отдавшее соответствующий приказ, привлекается к ответственности как посредственный исполнитель. Если же строгая обязательность, исключаящая другие варианты поведения, отсутствует, то можно говорить о наличии подстрекателя, отдавшего приказ, и исполнителя в лице выполнившего преступное деяние.

Следует отметить, что приказ как способ подстрекательской деятельности не признается многими учеными-криминалистами. Так, М. И. Ковалев утверждает, что подстрекательство путем отдачи преступного приказа всегда должно рассматриваться как посредственное причинение. Он полагает, что должностной при-

¹ Шарапов Р. Д. Уголовно-правовая характеристика физического насилия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 7.

² См.: Бурчак Ф. Г. Указ. соч. С. 150.

каз может рассматриваться как способ подстрекательства лишь тогда, «когда он представляет собой злоупотребление начальником своим служебным авторитетом с целью склонить подчиненного к преступлению»¹. Особо М. И. Ковалев указывает на «рекомендательный» характер распоряжения². Ограничивал возможность рассмотрения приказа как способа подстрекательства и М. Д. Шаргородский³.

Особый интерес вызывает *обман* как способ подстрекательства. Вообще под обманом понимается умышленное введение в заблуждение или поддержание заблуждения с целью побудить к определенному поведению в интересах обманывающего или других лиц⁴.

Обман, как правило, рассчитан на ответное поведение другого лица. Обманывать могут не только с целью ввести в заблуждение, но и стремясь вызвать у обманываемого определенное поведение. Кроме того, обманывающий не только сообщает ложную информацию, но и, как правило, скрывает свои настоящие намерения. По вопросу о том, может ли обман быть способом подстрекательства, среди ученых единого мнения не существует. Некоторые исследователи считают, что подстрекательство путем обмана невозможно. Наиболее приемлема точка зрения И. Я. Хейфеца, который выделяет два вида обмана: обман, исключаящий вообще всякую виновность, и обман в мотивах действия⁵. Действительно, если обман ни коим образом не затрагивает мотивов, которые создают умысел исполнителя, а является составляющим элементом соответствующего состава преступления, то естественно, что такой обман выходит за рамки подстрекательства и опять-таки превращает подстрекателя в посредственного исполнителя преступления. Например, лицо склоняет исполнителя совершить поджог какого-либо сооружения, скрывая от него свою цель подрыва экономической безопасности государства. В этом случае введенный в заблуждение относительно цели преступления исполнитель будет отвечать за умышленное уничтожение чужого имущества (ч. 2 ст. 167 УК РФ), а стоявший за его спиной будет

¹ Ковалев М. И. Указ. соч. С. 145.

² Там же.

³ Шаргородский М. Д. Вопросы Общей части уголовного права. Л., 1955. С. 115.

⁴ См.: Сабитов Р. Обман и его значение для квалификации некоторых преступлений // Социалистическая законность. 1975. № 12. С. 45.

⁵ Хейфец И. Я. Указ. соч. С. 36.

отвечать перед законом как посредственный причинитель диверсии (ст. 281 УК РФ).

Противником отнесения обмана к способам подстрекательства выступал А. А. Пионтковский, который отмечал, что обман «не может рассматриваться как подстрекательство и сознательное введение другого лица в заблуждение, чтобы использовать его ошибку, добиться осуществления преступления руками этого лица»¹. В принципе такой подход верен, если речь идет об обстоятельствах, образующих элементы состава преступления, в отношении же иных обстоятельств он представляется неоправданным.

Интересен вопрос о том, может ли являться способом подстрекательства *молчание*? На этот вопрос следует ответить отрицательно, но с учетом замечания Н. С. Таганцева о том, что «при исключительной обстановке известное лицо, благодаря ряду предшествующих условий, из умолчания может вывести прямой приказ к действию; при такой обстановке молчание является волю выражающим актом»². Однако в этом случае молчание является заключительным этапом осуществления подстрекательской деятельности, поскольку до этого все равно необходимо было совершение определенных действий, направленных на соответствующую корректировку сознания подстрекаемого лица, на то, чтобы придать его воле и сознанию необходимое направление, и этот импульс должен быть такой силы, что в последующем будет достаточно многозначительного молчания, чтобы подстрекаемый сделал вывод о желательном для подстрекателя поведении.

Рассмотренный перечень способов подстрекательства не является исчерпывающим, весьма трудно было бы перечислить все те варианты, с помощью которых подстрекатель вовлекает в совершение преступления. Так, помимо указанных способов А. П. Жиряев называет желание³, С. В. Будзинский — заманчивое представление⁴, Н. С. Таганцев — обольщение, И. Я. Хейфец — обещание, злоупотребление влиянием или властью, преступное ухищрение⁵, С. В. Познышев — увещание⁶, М. А. Шнейдер — подговор, подзадоривание или простое предложение совершить

¹ Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 572.

² Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 776.

³ Жиряев А. Указ. соч. С. 62.

⁴ Будзинский С. Основные начала науки уголовного права. Варшава, 1870. С. 270.

⁵ Хейфец И. Я. Указ. соч. С. 35—39.

⁶ Познышев С. Основные начала науки уголовного права. М., 1912. С. 386.

преступление¹, С. Шайкевич — принуждение, завлечение². Нетрудно, однако, заметить, что многие из перечисленных выше терминов совпадают по своему содержанию и по сути являются одним и тем же способом, обозначенным разными терминами.

Иногда подстрекатель может прибегать к некоторой комбинации, используя сочетание принуждающих и убеждающих способов, а также различную степень интенсивности своих действий. Хотя предложенная М. А. Шнейдер, а затем поддержанная П. Ф. Тельновым и А. В. Пушкиным классификация способов подстрекательства на убеждающие и принуждающие не совсем точна. Термин «убеждение» имеет свое конкретное содержание, не охватывающее все многообразие способов склонения, подразумеваемых этими авторами³. Более точным было бы подразделение способов на связанные с принуждением и не связанные с принуждением. Использование того или иного способа будет зависеть прежде всего от личностных характеристик подстрекателя, среди которых особенно нужно выделить возраст, образование и род занятий.

Установление способов подстрекательства имеет немаловажное значение для индивидуализации ответственности и назначения справедливого наказания как для подстрекателя, так и для исполнителя преступления. Это может прояснить мотивы, которыми руководствовался исполнитель, совершая то или иное общественно опасное деяние. В свою очередь, мотивы человеческого поведения дают возможность определить степень вины конкретного лица и назначить ему соответствующее наказание. Вероятна и такая ситуация, когда подстрекаемый совершает преступление, боясь мести со стороны подстрекателя. Правильно установив, с помощью каких способов подстрекатель достиг цели, можно точно установить и то, чем руководствовался исполнитель, и правильно квалифицировать его действия.

Если способы, которыми пользуется подстрекатель, вовлекая лицо в совершение преступления, достаточно разнообразны, то формы, в которые он облакает свою деятельность, сужены рамками видов общения между людьми, возможностями обмена информацией в процессе общения. Таким образом, все способы

¹ Шнейдер М. А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. М., 1959. С. 44.

² Шайкевич. С. О подстрекательстве // Журнал Министерства юстиции. 1865. № 11. С. 222.

³ См.: Шнейдер М. А. Указ. соч. С. 44 ; Тельнов П. Ф. Указ. соч. С. 74 ; Пушкин А. В. Подстрекательство к преступлению : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 14.

подстрекательства могут быть выражены словесно, а также посредством конклюдентных действий.

В слове заключена самая большая доля информации, приходящаяся на процесс общения людей. Как раз слово содержит в себе тот огромный смысл, который вызывает у человека определенные мотивы поведения, отражаясь в его сознании. С помощью слова подстрекатель воздействует на лицо, добиваясь от него совершения преступления путем вызова в нем определенных образов, ассоциаций, которые могли бы стать мотивами деятельности исполнителя.

Слово может быть использовано в устной речи и в письменной. Об эффективности каждой из этих форм говорить однозначно сложно. Иногда усилия, которые необходимо приложить, могут сочетать в себе наличие письменной и устной формы. В целом ряде случаев устная речь оказывается наиболее эффективной, и наоборот. Это будет зависеть прежде всего от личности подстрекателя, от особенностей его восприятия окружающей действительности.

Иногда подстрекатель может обходиться и без слов, заменяя их мимикой и жестами, т. е. так называемыми конклюдентными действиями. Такие случаи, как правило, имеют место непосредственно перед совершением преступления, когда вся обстановка позволяет предполагаемому исполнителю адекватно оценить действие подстрекателя и понять его как однозначное, не подразумевающее под собой совершение каких-либо иных действий. Трудность составляет определение момента возникновения желания совершить преступление. Если исполнитель под влиянием конклюдентных действий лишь укрепил свою решимость совершить преступление, то вполне можно говорить об интеллектуальном пособничестве. Если же жест вызвал желание совершить конкретное преступление, то в данном случае имеет место подстрекательство.

Из немецких учебников уголовного права в русскую научную литературу перекочевал следующий пример, наглядно иллюстрирующий такого рода конклюдентное подстрекательство. По рассказу историка Ливия, сын Торквиния Гордого Секст захватил город Габвию и пленил его жителей. Не зная, как поступить с ними, он отправил раба к своему отцу за советом. Торквиний вместо ответа стал молча ходить по саду и сшибать тростью маковые головки, возвышавшиеся над другими. Секст, узнав об этом, приказал казнить наиболее именитых и влиятельных жителей. Так, Торквиний, не сказав ни слова, решил судьбу пленников¹.

¹ Хейфец И. Я. Указ. соч. С. 37.

В принципе этими вышеизложенными формами и ограничивается возможность склонить к совершению преступления, вызвать у лица решимость действовать преступным образом.

5. ПОСОБНИК

Пособник (согласно ч. 5 ст. 33 УК РФ) — это лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудия совершения преступления либо устранением препятствий, а также лица, заранее обещавшие скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, либо лица, заранее обещавшие приобрести или сбыть такие предметы.

Пособник, пожалуй, наиболее часто встречающаяся из всех видов соучастников фигура и наименее опасная из них (за одним исключением, на которое обратил внимание еще М. И. Ковалев: пособничество становится опасным лишь там, где исполнителями выступают несовершеннолетние, а пособниками — взрослые¹).

Данная форма участия в совершении преступления, характеризуется следующими признаками.

Во-первых, отрицательный признак пособничества — неучастие в выполнении объективной стороны состава преступления, совершаемого в соучастии. Однако, к сожалению, данный признак далеко не всегда учитывается при оценке действий пособника, даже несмотря на рекомендации высших судебных органов по конкретным категориям дел².

Так, действия лица, не принимавшего непосредственного участия в нападении на потерпевшего, но содействовавшего совершению преступления советами, указанием места совершения преступления, участием в разработке плана действий и осведомленного об орудии преступления, следует квалифицировать как пособничество разбойному нападению, а не как соисполнительство.

¹ Ковалев М. И. Указ. соч. С. 155.

² Так, в соответствии с п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. № 29 если организатор, подстрекатель или пособник непосредственно не участвовал в совершении хищения чужого имущества, содеянное исполнителем преступления не может квалифицироваться как совершенное группой лиц по предварительному сговору. В этих случаях в силу ч. 3 ст. 34 УК РФ действия организатора, подстрекателя или пособника следует квалифицировать со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

И. и Б. вступили в преступный сговор для совершения разбойного нападения на владельца автомобиля с целью завладения автомашиной и с последующим убийством водителя. При этом они распределили роли: И. должен был напасть на водителя и убить его, а Б. — управлять автомобилем. Во исполнение задуманного И. изготовил заточку, о чем уведомил Б. Позднее они договорились о времени и месте совершения преступления, которое указал Б. Реализуя свой умысел, они сели в автомобиль под управлением потерпевшего. В пути следования по требованию И. и Б. потерпевший остановился. После того как Б. отошел в сторону, И. напал на водителя и нанес ему заточкой три удара в грудь. От полученных телесных повреждений потерпевший скончался на месте. Затем И. оттащил труп потерпевшего в канаву и уведомил Б. о совершенном им убийстве. На месте происшествия осужденные завладели автомобилем и другим имуществом потерпевшего. На машине под управлением Б. они приехали в город, где сбывли вещи, похищенные из автомобиля потерпевшего. Деньги разделили между собой. В данном случае разбойное нападение на водителя автомашины совершил один И. в то время, когда Б. отошел в сторону. При этом И. нанес потерпевшему заранее приготовленной заточкой, три удара в грудь и убил его. Затем И. оттащил труп в канаву и уведомил Б. о содеянном. Лишь после этого виновные во исполнение своего умысла на завладение автомобилем и вещами потерпевшего распорядились указанным имуществом по своему усмотрению. Таким образом, нападение на потерпевшего с целью завладения его имуществом совершил лишь И. Следовательно, действия Б., не принимавшего непосредственного участия в разбойном нападении, подлежат квалификации как пособничество разбойному нападению¹.

Иногда суды допускают двойной учет форм и видов соучастия в части оценки пособнических действий.

Так, действия пособника кражи, исполнителем которой являлось одно лицо, были ошибочно квалифицированы по признаку группы лиц по предварительному сговору. По приговору Ставропольского краевого суда К. был осужден по ч. 5 ст. 33, п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ. Он был признан виновным в пособничестве в краже чужого имущества, совершенной группой лиц по предварительному сговору, в особо крупном размере.

Согласно приговору преступление совершено при следующих обстоятельствах. К. договорился с другим лицом, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство (далее — Д.), завладеть автобусом марки «Мерседес-Бенс», принадлежащим С. Действуя в соответствии с совместно разработанным планом, К. предоставил Д. флеш-карту с фотографиями автобуса для поиска потенциальных покупателей. Кроме того, К. по месту парковки данного автобуса показал Д. способ проникновения в автобус через спальное место водителя, место хранения ключа от входной двери в спальное место водителя, а также объяснил схему работы коробки передач и кнопок управления. Впоследствии Д., взяв в указанном ему К. месте ключ от входной двери спального места водителя, проник на водительское место и, пользуясь наличием в замке зажигания ключа,

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Рос. Федерации от 12 сент. 2001 г. № 742п2001 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

завел указанный автобус, после чего беспрепятственно выехал с автостоянки и перегнал автобус в другой город.

В кассационном представлении прокурор просил изменить приговор в связи с необоснованной квалификацией действий К. по признаку совершения преступления «группой лиц по предварительному сговору».

Судебная коллегия удовлетворила представление прокурора и, изменив приговор, исключила осуждение К. по данному квалифицирующему признаку, так как согласно приговору К. оказал пособничество в краже, исполнителем которой являлось одно лицо. Сам К. непосредственно в хищении чужого имущества не участвовал, а лишь оказал исполнителю кражи содействие советами, а именно: показал способ проникновения в автобус через спальное место водителя, показал место хранения ключа от входной двери и спальное место водителя, объяснил схему работы коробки передач и кнопок управления¹.

Во-вторых, положительный признак пособничества — оказание в совершении преступления интеллектуальной или физической помощи другим соучастникам. При этом пособник должен осознавать основные обстоятельства, характеризующие преступление, которому он своими действиями способствует: начиная от конструктивных элементов состава конкретного преступления и заканчивая квалифицирующими признаками. Однако далеко не всегда судебные и следственные органы учитывают данное обстоятельство. Так, действия пособника, не знавшего о том, что другие участники преступления действуют в составе организованной группы, были изначально квалифицированы как пособничество в преступлении, совершенном организованной группой.

По приговору Московского городского суда от 12 апреля 2010 г. Г. осужден по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 126 и ч. 2 ст. 330 УК РФ.

Г. признан виновным в том, что в сентябре 1998 г. оказал пособничество в похищении организованной группой потерпевшего Л. и совершении в отношении этого потерпевшего самоуправных действий.

Судебная коллегия признала квалификацию действий Г. по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 126 УК РФ ошибочной по следующим основаниям. Сам суд установил и указал в приговоре, что Г. не являлся участником организованной группы, не состоял в сговоре с другими лицами на похищение потерпевшего Л., непосредственно не участвовал в его похищении в г. Москве и перемещении в г. Кохму Ивановской области, содержании его там и перемещении в дер. Филино Сокольского

¹ Кассационное Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 19 окт. 2011 г. № 19-О11-58сп. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Практически аналогичное решение было принято и в другом случае (см.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 7 июня 2012 г. № 58-О12-24 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

района Нижегородской области. Установлено, что Г. лишь оказал содействие в перевозке потерпевшего Л. из дер. Филино Сокольского района Нижегородской области в г. Иваново и обратно, а также участвовал в самоуправных действиях. Данных о том, что Г. знал, что другие участники действовали в составе организованной группы, в приговоре суда не содержится.

При таких обстоятельствах Г. не должен нести ответственность за пособничество в похищении человека в составе организованной группы, его действия подлежат квалификации по ч. 5 ст. 33, п. «а» ч. 2 ст. 127 УК РФ как пособничество в незаконном лишении человека свободы, не связанном с его похищением, группой лиц по предварительному сговору.

Судебная коллегия изменила приговор и переквалифицировала действия Г. с ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 126 УК РФ на ч. 5 ст. 33, п. «а» ч. 2 ст. 127 УК РФ¹.

В случаях когда пособник оказывает помощь другим соучастникам (например, организатору или подстрекателю) в воздействии на предполагаемого исполнителя (в целях его склонения к совершению преступления), его действия необходимо оценивать как организацию или подстрекательство к преступлению. Если же оказывается помощь другому соучастнику с иной целью, то тогда имеет место пособничество совершению преступления².

Иногда в правоприменительной практике возникают трудности, связанные с ограничением действий пособника от подстрекательских действий. Так, предложение о совершении разбойного нападения было первоначально квалифицировано в соответствии с ч. 5 ст. 33 УК РФ, не с требованиями ч. 4 ст. 33 УК РФ как подстрекательство к совершению преступления.

М. предложила Г. совершить разбойное нападение на Х. в целях завладения ее имуществом. Г. согласился и нанес потерпевшей множественные удары поленом по голове, а затем кочергой и топором по различным частям тела. Смерть Х. наступила на месте происшествия в результате закрытой черепно-мозговой травмы. Завладев имуществом Х., Г. и М. скрылись с места происшествия.

Суд первой инстанции квалифицировал действия Г. по п. «з» ч. 2 ст. 105 и п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, М. — по ч. 5 ст. 33 и п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. Суд кассационной инстанции оставил приговор без изменения. Президиум Верховного Суда Российской Федерации переквалифицировал действия М. с ч. 5 ст. 33 и п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ на ч. 4 ст. 33 и ч. 2 ст. 162 УК РФ (в ред. от 21 июля 2004 г.) и исключил из приговора в части осуждения Г. по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ квалифицирующий признак разбоя «группой лиц по предварительному сговору».

Президиум мотивировал свое решение следующим образом. Судом установлено и отражено в приговоре, что М. только предложила Г. совершить нападение на потерпевшую в целях хищения ее имущества, непосредственного участия

¹ Кассационное Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 23 июня 2010 г. № 5-О10-151 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Хейфец И. Я. Указ. соч. С. 37.

в нападении она не принимала. Исполнителем преступления был один Г., а М. принимала соучастие в разбое в форме пособничества, выразившегося в том, что она предложила Г. совершить нападение на Х. Исходя из этого суд квалифицировал ее действия по ч. 5 ст. 33 и п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ.

Таким образом, суд, придя к правильному выводу о том, что исполнителем разбоя был один Г., при квалификации действий, совершенных М., ошибочно указал, что она являлась пособником в разбое. Предложение о совершении разбойного нападения в соответствии с требованиями ч. 4 ст. 33 УК РФ необходимо признать подстрекательством к совершению преступления¹.

При разграничении пособничества и подстрекательства необходимо учитывать, что при подстрекательстве нужно, чтобы был факт воздействия на личность исполнителя с целью склонить его к совершению преступления, и если у исполнителя уже имелось намерение совершить конкретное преступление, то будет иметь место пособничество (при оказании, например, информационной помощи), если нет — подстрекательство. Не исключается также и некоторая двойственность последнего варианта, «когда исполнитель, утратив первоначальные мотивы, определяется снова к преступлению уже вследствие мотивов, вызванных подговорщиком»².

Более того, представляется, что в некоторых случаях укрепление решимости совершить преступление есть подстрекательство к преступлению, однако и тогда, когда у исполнителя имелось намерение заняться криминальной деятельностью вообще.

Деятельность пособника может предшествовать совершению преступления, может сопутствовать преступлению, а может осуществляться и после его совершения. Главное, чтобы договоренность об оказании пособнических услуг (в последнем случае) состоялась до окончания выполнения объективной стороны преступления, совершаемого исполнителем. По действующему уголовному законодательству заранее обещанное укрывательство, а равно заранее обещанное приобретение или сбыт предметов, добытых преступным путем, признается пособничеством в преступлении. Этот вид пособничества образуется с момента дачи обещания о совершении указанных действий в интересах исполнителя. Такое обещание укрепляет решимость другого лица на совершение преступления.

Действия отдельных соучастников иногда внешне совпадают с пособническими, но не всегда могут быть признаны таковыми.

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 февр. 2007 г. № 618-П06 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Колоколов Г. Е. О соучастии в преступлении. М., 1881. С. 190.

Например, в тех случаях, когда помощь оказывается непосредственно при выполнении объективной стороны конкретного состава преступления и отдельные соучастники выполняют обеспечивающие функции во время и на месте совершения преступления, допустим кражи (обеспечение безопасности, перенос похищенного, преодоление препятствий и др.). При этом их действия образуют соисполнительство, поскольку связаны с непосредственным участием в преступлении, а распределение ролей между ними носит, скорее, организационно-технический характер.

Как правило, пособничество делят на два вида¹:

- а) интеллектуальное;
- б) физическое.

Интеллектуальное пособничество характеризуется психическим влиянием пособника на сознание и волю исполнителя в целях оказания ему необходимой для совершения преступления интеллектуальной помощи.

К интеллектуальным способам пособничества можно отнести:

- а) советы — рекомендации по эффективному и безопасному осуществлению механизма совершения преступления;
- б) указания — наставления исполнителю о том, как действовать в конкретных случаях совершения преступления²;
- в) предоставление информации — передача сведений, имеющих значение для исполнителя, при видимом отсутствии личной заинтересованности информатора³;

¹ Такое деление было предпринято еще учеными-криминалистами XIX века. В частности, Н. С. Таганцев указывал на существование этих двух видов пособничества. (Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 345).

² Деление интеллектуального пособничества на эти две группы законодателем достаточно условно, поскольку на практике сложно реально проводить разграничение между советами и указаниями.

³ Например, лицо, с целью совершения кражи предоставившее информацию о наличии у потерпевшего крупной суммы денег и времени его отсутствия в квартире, обоснованно было признано судом пособником в этом преступлении (Кассационное Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 9 марта 2011 г. № 78-О11-18 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

В соответствии с абз. 3 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» от 10 июня 2010 г. № 12 оказание лицом, не являющимся членом преступного сообщества (преступной организации), содействия деятельности такого сообщества (организации) подлежит квалификации как соучастие в форме пособничества по ч. 5 ст. 33 УК РФ и ч. 2 ст. 210 УК РФ (например, передача секретарем, системным администратором служебной информации, оператором

г) данное заранее обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем;

д) данное заранее обещание приобрести или сбыть предметы, добытые преступным путем.

Последние две формы следует относить к интеллектуальному пособничеству, потому что именно в силу предварительно состоявшегося соглашения между пособником и исполнителем последней, надеясь на помощь и поддержку пособника, укрепляется в решимости совершить преступление.

Давая характеристику интеллектуального пособничества, законодатель представляет исчерпывающий перечень действий, которые могут его образовывать.

Физическое пособничество характеризуется оказанием физической помощи исполнителю при подготовке или в процессе совершения преступления, при этом данные действия не должны охватываться объективной стороной преступления, совершаемого исполнителем.

С объективной стороны деяние физического пособника может характеризоваться как действием, так и бездействием. Однако бездействие возможно исключительно тогда, когда от пособника требуется совершение определенного рода действий, направленных на недопущение преступления.

К физическим способам пособничества относятся:

а) предоставление орудий или средств совершения преступления — передача исполнителю различных предметов, необходимых для совершения преступления. Так, в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» от 18 октября 2012 г. № 21 указывается на то, что лица, непосредственно не участвовавшие в незаконной охоте, но содействовавшие совершению этого преступления советами, указаниями, предоставлением орудий охоты, транспортных средств, а также приобретающие, хранящие или сбывающие продукцию незаконной охоты по заранее данному обещанию, привлекаются к уголовной ответственности

сотовой связи — сведений о переговорах клиентов, банковским служащим — данных о финансовых операциях клиентов и т. п., а также оказание членам преступного сообщества (преступной организации) юридической, медицинской или иной помощи лицом, причастным к преступной деятельности такого сообщества (организации)).

сти в качестве пособников со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ при условии, что им было достоверно известно о незаконности охоты;

б) устранение препятствий — такое изменение окружающей обстановки, которое связано с устранением помех на пути исполнителя. К данному виду пособничества можно отнести предусмотренное в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» от 18 ноября 2004 г. № 23 использование нотариусом своих служебных полномочий для удостоверения сделки, заведомо для него направленной на легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества (квалифицируется по ч. 5 ст. 33 УК РФ и соответственно по ст. 174 или ст. 174¹ УК РФ (только возникает вопрос: по какой именно из них, если оба контрагента по сделке осознают ее преступный характер) и при наличии к тому оснований — по ст. 202 УК РФ).

При рассмотрении вопроса, связанного с оценкой факта физического пособничества, необходимо отметить одну, как представляется, существенную деталь: независимо от того, пригодилась исполнителю или нет оказанная пособником помощь, воспользовался он ей или нет, ответственность пособника не исключается. Главное при этом — состоявшийся сговор на совершение преступления и распределение ролей. Поэтому представляется обоснованной позиция М. И. Ковалева, который утверждает, что в том случае, если исполнитель не воспользовался физической помощью другого лица, это лицо не может быть признано пособником, но при условии, что пособник пытался оказать помощь при непосредственном совершении преступления. Что же касается той ситуации, когда сговор на оказание помощи состоялся до начала выполнения объективной стороны преступления, то независимо от того, воспользовался исполнитель помощью пособника или нет, со стороны последнего налицо соучастие в форме пособничества (однако уже не физическое, а интеллектуальное).

В-третьих, формальный признак пособничества — перечень действий, образующих пособничество, в соответствии с ч. 5 ст. 33 УК РФ является исчерпывающим¹. Это означает, что

¹ В отличие от уголовного законодательства зарубежных государств, которые формулируют понятие пособничества достаточно обобщенно (см., например: § 27 УК ФРГ; ст. 62 УК Японии; ст. 121-7 УК Франции; ст. 25 УК Швейцарии), УК РФ подробно описывает и раскрывает данный институт. Едва ли, однако, следует

любые иные действия, помимо указанных в законе, пособническими назвать нельзя¹. В этом отношении интересна позиция Верховного Суда Российской Федерации, разъясняющего вопросы применения норм, предусматривающих ответственность за налоговые преступления. В соответствии с абз. 3 п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» от 28 декабря 2006 г. № 64 в тех случаях, когда лицо, фактически осуществляющее свою предпринимательскую деятельность через подставное лицо (например, безработного, который формально был зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя), уклонялось при этом от уплаты налогов (сборов), его действия следует квалифицировать по ст. 198 УК РФ как исполнителя данного преступления, а действия иного лица, в силу ч. 4 ст. 34 УК РФ, — как его пособника при условии, если он сознавал, что участвует в уклонении от уплаты налогов (сборов), и его умыслом охватывалось совершение этого преступления.

С субъективной стороны соучастие в форме пособничества характеризуется виной в форме прямого умысла и предполагает, что пособник: а) осведомлен о преступных намерениях исполнителя (или же другого соучастника); б) знает, совершению какого преступления он оказывает содействие²; в) осознает, что его действия оказывают исполнителю помощь в осуществлении преступления.

признать положительной такую формулировку — по той причине, что, по сути, дается хотя и довольно широкий, но все же исчерпывающий перечень действий пособника. Недостаток данной конструкции — ее казуистичность.

¹ В настоящее время в УК РФ появляются специальные составы пособничества, например: ст. 205¹, ст. 291¹ УК РФ. Однако более продуктивной представляется путь отказа от исчерпывающего перечня пособнических действий.

² Ц. и В. за соответствующее вознаграждение согласились содействовать разбойному нападению и предоставили информацию о месте проживания семьи потерпевшего Ч. Кроме того, Ц. на своей автомашине привез участников разбойного нападения к месту совершения преступления, а В. показал дом потерпевшего. Г. и другие, представившись сотрудниками милиции, ворвались в дом потерпевшего и, угрожая газовыми пистолетами, ножом и поджогом дома, вынудили Ч. отдать им 13 тыс. р. и другое имущество. Впоследствии нападавшие разделили похищенные деньги, выделив Ц. и В. по 1800 р. и часть вещей. Впоследствии Г. и другие, а также Ц. и В. решили совершить разбойное нападение на предпринимателя С. При нападении договорились использовать приготовленные ранее маски, наручники и оружие. О наличии оружия были осведомлены все участники и согласны с его применением. Ц. и В. отказались участвовать в нападении, но пообещали остальным вывезти их с места преступления на ав-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Действующее уголовное законодательство, выбрав в качестве критерия разграничения соучастников их объективную роль в соучастии, т. е. характер участия в совершении преступления, выделяет следующие виды соучастников: исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник.

Именно ролью в совершении преступления и определяются пределы уголовной ответственности отдельных соучастников. Под ними понимаются те границы, очерченные характером участия в совершении преступления и осознанием тех вредных изменений, которые происходят в результате действий организатора, подстрекателя и пособника. Говоря о пределах ответственности за соучастие с юридическим распределением ролей, необходимо также установить те границы, которые отличают соучастника от так называемого посредственного исполнителя или от других видов соучастников совершения преступления. Это поз-

томашине Ц. и спрятать после нападения оружие и предметы хищения. После совершенного нападения на потерпевшего С. все участники покинули место преступления на автомашине Ц. Затем разделили похищенные доллары, передали Воронцову оружие, маски и перчатки, которые тот спрятал. Все похищенные изделия из золота оставили у Ц. на хранение. Суд первой инстанции квалифицировал действия Ц. и В. по ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 209 УК РФ и ч. 5 ст. 33, пп. «а», «б» ч. 3 ст. 162 УК РФ. Это решение было опротестовано ввиду непричастности В. и Ц. к преступлению. Протест был удовлетворен по следующим основаниям. В обоснование своего вывода о правильности квалификации действий осужденных по ч. 5 ст. 33 и ч. 2 ст. 209, ч. 5 ст. 33 и пп. «а», «б» ч. 3 ст. 162 УК РФ суд сослался на то, что они оказали пособничество банде в двух разбойных нападениях, совершенных организованной группой, неоднократно, с применением оружия, с незаконным проникновением в жилище и в крупном размере. Однако данных, свидетельствующих об осведомленности В. и Ц. о том, что своими действиями они способствуют совершению бандой разбойных нападений, не имеется. Ц. и В. категорически отрицали свою осведомленность о наличии банды и оказании ей содействия в преступной деятельности. Они показали, что собирались для потребления наркотиков. При этом договорились о совершении преступлений для получения денег, необходимых для их приобретения. Как пояснили Г. и другие осужденные, Ц. и В. непосредственного участия в совершении разбоя не принимали, а оказывали помощь в подыскании объектов нападений и скрывали следы преступлений. Таким образом, В. и Ц., оказывая пособничество в разбойных нападениях, совершенных другими осужденными, не создавали принадлежность последних к бандитскому формированию. С учетом этого приговор в части осуждения В. и Ц. по ч. 5 ст. 33 и ч. 2 ст. 209 УК РФ отменен ввиду их непричастности к совершению преступления (см: Постановление Президиума Верховного Суда Рос. Федерации от 6 нояб. 2002 г. № 609п2002 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

воляет дать исчерпывающий ответ на вопрос о том, какую юридическую роль играет соучастник в совершении преступления, и в соответствии с этим определить меру его ответственности и назначить справедливое наказание за совместное совершение преступления.

Соответственно, необходимо различать общую и специальную предпосылки ответственности соучастников преступления. Общая предпосылка — это четкое установление круга лиц, участвующих в совместном совершении преступления. Специальная предпосылка неотвратимости ответственности и индивидуализации наказания каждому из участников деяния — это те конкретные обстоятельства, создающие в своей совокупности ситуацию, при наличии которой применение наказания к конкретному лицу, участвующему в какой либо форме в совершении преступления, являются необходимой, достаточной и целесообразной мерой. Следует отметить, что предпосылки неотвратимости ответственности каждого из соучастников одновременно являются и предпосылками индивидуализации их ответственности. В их единстве находит свое выражение взаимосвязь основных принципов уголовной ответственности за соучастие, в которой аккумулируется общее требование о наказуемости каждого преступления и индивидуализации ответственности каждого из лиц его совершивших.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. Критерии разграничения соучастников преступления на виды	5
2. Исполнитель.....	16
3. Организатор.....	29
4. Подстрекатель.....	37
5. Пособник.....	53
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	62

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

*Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ,
кандидат юридических наук, доцент*

ВИДЫ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Учебное пособие

Редактор *О. Е. Тимошук*
Компьютерная верстка *О. А. Хропиной, Т. И. Павловой*

Подписано в печать 04.09.2013 г. Бум. тип. № 1.
Гарнитура “Times New Roman Cyr”. Печ. л. 4,0.
Уч.-изд. л. 3,75. Тираж 500 экз. (1-й завод 1—130). Заказ 2118.

Редакционно-издательская лаборатория
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 44